

На правах рукописи

ПЕТРЯКОВ Леонид Джоржович

**ДИСКУРСИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА:
ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ**

Специальность 09.00.01 – Онтология и теория познания

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
доктора философских наук

Иваново – 2014

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Научный консультант: доктор философских наук, доцент
Кудряшова Татьяна Борисовна

Официальные оппоненты:

Шульга Елена Николаевна,
доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института
философии Российской академии наук;
Волкова Вера Олеговна,
доктор философских наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Нижегородский
государственный технический универ-
ситет им. Р. Е. Алексеева», профессор
кафедры методологии, истории и
философии науки;
Костина Ольга Викторовна,
доктор философских наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Саратовская государ-
ственная юридическая академия»,
профессор кафедры философии.

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Ярославский
государственный университет».**

Защита состоится «19» декабря 2014 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.062.01 при ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет» по адресу ул. Ермака 37/7, конференц-зал (аудитория 209).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет» и на сайте <http://ivanovo.ac.ru/ru/science/attestation-science>

Автореферат разослан «__» сентября 2014 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Д. Г. Смирнов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Комплексные исследования дискурса еще не были предметом философского анализа. Дискурсия, в первом приближении – смысловая среда взаимодействия практики и связанной с ней рефлексии (в пределе – теории), где благодаря воздействию рефлексии-теории на принимающую её практику, возникает и формируется дискурс. В этом качестве она способна воздействовать как на рефлексивный, так и на практический уровень, согласуя практическую и теоретическую деятельность или препятствуя их согласованию.

Выбор дискурса в качестве объекта философского исследования не случаен: дискурс, традиционно определяемый как «текст, погружённый в жизнь», стоит на границе Слова и Жизни, пока что не представленной в слове, и Космоса как невербализованной реальности отношений людей, людей и вещей, жизненной практики. Дискурс – это следствие процесса отношений теории (рефлексии) и практики, выход за пределы имеющихся знаний с целью обнаружить причины возникновения, способы производства этих знаний. Единство дискурса предполагает определённую гармонию, резонанс между Словом и Жизнью, рождающий иллюзию тождества Мышления и Бытия. Эта иллюзия соответствия становится основой объяснения Мира в целом, создания определённого мировоззрения, производства знаний путём конкретизации неточных понятий. Но сохраняющееся различие между Словом и Жизнью усиливается по мере расширения во времени и пространстве знаний господства конкретного дискурса, что приводит к разрушению соответствия между ними и завершается сменой одного дискурса другим.

Проблема историчности знаний это, с другой стороны, проблема их истинности, соотносённости с опытом и практикой. Информационное общество традиционно рассматривается как общество изобилия информации, но это одновременно и общество «информационного хаоса», поднимающее новые для него проблемы качества этой информации, источника её получения и доверия общества этим источникам. Попадая в условия информационного хаоса и множественной противоречивости источников друг другу, человек утрачивает целостность представления о мире и самом себе, целостность своей личности. Поиск достоверного знания невозможен без обращения к его гносеологическим «корням», без исследования методов и познавательных практик. Одной из этих практик, развившейся в рамках

экстерналистского подхода к исследованию процесса познания, является дискурс.

Субъект, попав под влияние дискурса, приобретает способность к антиципации, протенции, быстрым автоматическим реакциям в пространстве дискурса, но в тоже время становится подчинённым дискурсу, замыкается в его границах, теряет критичное отношение к нему. Дискурс приобретает форму ментальной волны, в которой выражается внимание человека к какому-либо феномену его жизни, а в содержании – онтологическое, когнитивное, этическое, аксиологическое, практическое отношение к этому феномену. Одновременно, это волна актуальности (популярности) феномена в социальной жизни людей и осмысление его в социальном интеллекте. Волна дискурса выражает взаимосвязь актуальности феномена и его практического (социально-исторического) развития в поступках людей и исторических событиях.

Дискурсия – сфера, объединяющая собой все дискурсы, их конкуренции за возможность интерпретации, объяснения мира категориями конкретного дискурса. Познание дискурсии означает установление формальных различий между отдельными дискурсами по уровню их рефлексивности, актуальности и аргументированности их правил, стадии дискурсивного процесса (дискурсивной волны), на которой мы наблюдаем конкретный дискурс.

Дискурсивная реальность, являясь объектом конкурентного взаимодействия дискурсов, находится в процессе непрерывной трансформации. Наиболее очевидная сфера обнаружения дискурсивной реальности – процесс коммуникативного взаимодействия отправителя и получателя сообщения, которое должно способствовать реализации цели отправителя и изменению состояния получателя. В настоящее время смены многих привычных установок вновь актуализируется проблема правил, их онтологии, принятия, интерпретации, использования и т.д. В этом смысле все утверждения являются правилами – потенциальными или актуальными. Теоретические следствия из этих утверждений, а также выводы из их применения в практике являются правилами, руководствуясь которыми люди корректируют как теорию, так и практику. Изучая конкретные дискурсы, мы должны сделать их явными, эксплицирующими исторический характер определения основных понятий и, возможно, представить их конкретное содержание в дискурсивной, а не в иной логической форме. Это означает: конкретность интерпретации каждого из понятий, идей, образов, входящих в его

систему; влияние на эту систему новых понятий, идей и концепций, внедряемых в дискурс внешними усилиями и т. д.

Философская задача исследования дискурса должна подразумевать: воссоединение в дискурсе рефлексии и практики, вскрытие их глубинной взаимосвязи и способов взаимодействия. Дискурсивный подход открывает широкое поле для такого исследования, снимая традиционную философскую дихотомию субъекта и объекта.

Онтология дискурса – одна из частных онтологий. Онтологическими можно считать элементы и условия дискурса, без которых он не мог бы состояться: дискурсивная реальность, дискурсия, волны актуальности, правила и их формы, круговорот смысла. Онтология самого дискурса связана с онтологией, которую он порождает, преобразуя конкретную предметную область и именуя её части в качестве элементов дискурса.

Познавательный аспект дискурса проявляется в стремлении к знанию: к определённости, точности мысли, последовательности её развития, рассмотрению множества аспектов, законченности суждений. Анализ современного познавательного дискурса должен выявить базовые характеристики современной практики познания как деятельности, показать её возможные перспективы и варианты дальнейшего развития.

Дискурсивная трансформация является средством воздействия на предметное содержание путем изменения дискурсивной ситуации. Трансформацией называют изменение значения, смысла высказываний и понятий, используемых в дискурсе, позиций участников, правил, предполагающих определенное развитие дискурсивной ситуации, а также изменение самого дискурса, смену его другим. Трансформация дискурса предполагает рассмотрение его в динамике – через смену проблем, объектов, методов, средств познания.

Степень разработанности проблемы. Выделение дискурсивной реальности, как особого объекта философской теории возможно благодаря сближению классических, ориентированных на познание объективного мира, подходов, с неклассическими, ориентированными на познание человека и способов его бытия. Объективность знания конкретных наук имеет историчный характер – теории совершенствуются непрерывно. С другой стороны, рассмотрение мира в субъективном ключе: любых фактов только как фактов сознания, означало бы тотальную конструируемость мира, бесконечную возможность всего, даже того, что не позволяет практика. Дискурсивная реальность – это реальность диалога с миром, построения отношений с

ним. Она является субъективно-объективной. Это переход от «биологии» говорящей истину о мире вне нас к «экологии», рассказывающей об истине отношений нас с этим миром. В этом духе истину следует понимать как особый «язык истины» – сферу взаимопонимания и согласия следовать определённым правилам отношений: как между людьми, так и между людьми и миром.

Философская теория Платона стала исторически первой теорией, убедительно показавшей возможность систематического описания реального мира – понятиями об отдельных его явлениях. Но она встретила глубокое возражение в теории Аристотеля, систематизировавшего знание о мире субъективно ориентированными категориями, восходящими к языку и отдельным способностям человека. Сосуществование двух альтернативных теорий стало основой для постановки проблемы объективности знания и критериев этой объективности. Неклассическим ответом на неё были теории поздней Античности.

В Средние века эта проблема была представлена как проблема универсалий, сформулированная Боэцием в комментариях к «Категориям» Аристотеля. Номинализм стал идейным продолжением субъективного подхода к решению проблемы универсалий, а Реализм – объективного. Решение, найденное П. Абеляром – концепт, было новым инструментом синтетического знания, особая интерпретация которого открывала предметные области конкретных наук, описываемые понятиями.

В Новое время альтернатива субъективное/объективное была представлена как рациональное/эмпирическое. Острая постановка проблемы познаваемости мира средствами разума Д. Юма вызвала «Критику» И. Канта, показавшего границы субъективного подхода к познанию мира вне нас и в тоже время, считавшего такой подход единственно верным. Альтернативой субъективизму Канта стал объективизм Гегеля, возродившего, хотя и на новой основе, в своей системе платонизм. С другой стороны, диалектика Канта, Шеллинга, Гегеля как всеобщая теория развития, была призвана стереть различия субъективного и объективного, представив любое развитие подобным развитию понятия.

Последовавшая за периодом классики неклассическая философия в лице А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, А. Бергсона, в качестве альтернативы классике, ввела новый ряд синтетических, но субъективно окрашенных понятий: жизнь, воля к жизни, воля к власти, вечное возвращение и т.д.

Русская философия, уделявшая большое внимание социально-политическим, историческим проблемам, обнаружила единство субъективного и объективного в понятиях дух народа (П. Я. Чаадаев); соборность (Н. Г. Чернышевский, И. В. Киреевский); всеединство (Вл. Соловьёв, П. Д. Юркевич).

Синтезом философских подходов: классики и не классики стал постмодерн. Эпоха и философия постмодерна, закономерно возникающие вслед за модерном, создают особые условия для рефлексии, свободные от множества идеологических ограничений прежних эпох. В этих условиях М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакан, Ж. Делёз, Ю. Кристева, Д. Батлер, М. Бланшо и другие разрабатывают новые методологические понятия – складка, поверхность, ризома, разрыв, симулякр, символический обмен, необходимые для понимания трансвременного и транскультурного – «экологического» взаимодействия слова, субъективной идеи и объективирующей практики их применения. Одним из первых понятие «дискурс» использовал А. Кожев (Кожевников) в своей работе «Введение в чтение Гегеля». Французские философы, изучавшие Г. Гегеля, во многом по интерпретации А. Кожева, стали употреблять этот термин, характеризуя им содержательно-стилевое единство автора.

Главной предтечей философии дискурса, как в нашей стране, так и за рубежом была философия диалога, которую создавали М. Бубер, Э. Левинас, М. М. Бахтин, Ф. Розенцвейг, Ф. Эбнер, О. Розеншток-Хюси, В. С. Библер, С. В. Бориснёв, Г. Пассуэл, Т. Ньюкомбо, К. Шеннон, У. Уивер, В. Шрамм, К. Осгуд, Т. Парсонс, А. Тэн, Ч. Морисс, Х. фон Фёрстер, и другие. Не менее важны результаты, которые были достигнуты в области философско-герменевтических исследований Ф. Шлейермахера, М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамера, современных: Г. Р. Яусса, Ж. Гронден, Ф. Деллмайер, Т. Кизил, Дж. Ворнке, Р. Пальмер, отечественных исследователей начала XX века: Г. Г. Шпета, М. М. Бахтина, А. Ф. Лосева. Российские герменевты: Е. Н. Шульга, Е. В. Приходько, Л. Шиффман развивают традицию отечественной герменевтики, применяя её к острым проблемам современности.

Позднее, М. Фуко обозначил понятием «дискурс» явление социальной и культурной обусловленности знания, а также способы его внедрения и взаимодействия с практикой познания и деятельности людей. Теория дискурса М. Фуко открыла новое пространственное измерение философии и гуманитарных наук в целом, связанное с исследованием актуальности и, одновременно, историчности стоящих

перед обществом проблем. Историчность современности направляет усилия учёных на исследование социальных и экономических условий формирования определённых культур, мировоззрений, научных теорий. Такие исследователи, как Ж. Кангилем, М. Бланшо, Ж. Делез, Д. Эрибон, А. Гидес, А. Кремер-Мариетти, С. Лебон, М. Дюфренн, продолжали и развивали теоретические идеи М. Фуко. Ряд других философов – Ю. Хабермас, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, критиковали позиции М. Фуко по дискурсу. Третьи, исследовали его методы.

В нашей стране проблемы социально-культурной обусловленности знания как основы будущей теории дискурса были предметом исследований Л. С. Выготского, М. М. Бахтина, В. С. Библера. С позиций языка, феноменологии, психологии к ним подходили Г. Г. Шпет, Д. Н. Узнадзе и Д. М. Петрушевский. Различные аспекты дискурса были объектом научного интереса Н. С. Автономовой, М. Н. Грецкого, М. И. Николова, Т. А. Сахарова, С. Н. Некрасова, Т. А. Клименковой. В 1990-е и 2010-е гг. этим занимались В. П. Визгин, З. А. Сокулер, В. М. Розин, С. В. Табачникова, И. П. Ильин, С. В. Чебанов, Е. Н. Шульга, Н. К. Иванова, А. А. Грицанов, М. А. Можейко и другими. Были защищены философские диссертации: Р. В. Зиминым и П. Е. Кирилловым.

Решающее влияние на развитие представлений о дискурсе оказала философия языка и аналитическая философия: В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр, Г. Г. Шпет, Г. Фреге, Г. Гадамер, Дж. Мур, Б. Рассел, М. Шлик, О. Нейрат, Р. Карнап, Г. Хан, Ф. Вайсман, К. Гёдель, Г. Райхенбах, Ф. Франк, А. Айер и другие указывали на связь внутренних законов языка как формальной системы с содержанием высказываний. Следующее поколение философов языка рассматривало значение выражений в зависимости от их употреблений людьми. Это Дж. Остин, Г. Райл, Я. Хинтиikka, Д. Дэннет, Д. Дэвидсон. М. Даммит, Дж. Сёрл. Существенный вклад в исследование парадигм мышления и языка XIX–XX вв., соотношения философии языка и семиотики, языка и сознания, онтологических, гносеологических и социальных аспектов этих явлений внёс А. Н. Портнов.

Важные для дискурса аспекты союза технического и социального, идея габитуса, принципы порождения и организации определённых практик рассматривались во множестве смежных областей – в социологии, философской антропологии в трудах Э. Дюркгейма, М. Вебера, М. Мосса, Ж. Фридмана, П. Бурдьё теории коммуникативного действия А. Щюца и других. Компаративно-лингвистические,

когнитивные, психофизические аспекты дискурса были показаны Ф. И. Карташковой, Н. К. Ивановой и другими. В работах Ю. Хабермаса проблема дискурса тематизируется в рамках теории коммуникативной компетенции; традиционный семантический и синтаксический анализ дополняется прагматическим аспектом. Дискурс рассматривался в культурологии, культурной истории (Д. Рош, Ж.-Ф. Сириелли, Р. Шартье, и другими) как способ управления и способ передачи форм репрезентации мира. В связи с этим исследуется роль, которую играет в дискурсе опосредование между объективными условиями и способами их репрезентации.

Дискурсивная реальность была темой исследований Г. И. Зверевой, рассмотревшей культуру знаний в современном обществе, проблему национализма, отношение к советскому прошлому с точки зрения культурологи, истории культуры. А. А. Филинский в своей диссертации по теории языка говорит о дискурсивной реальности применительно к политическому дискурсу. Т. Д. Венедиктова рассматривает культурную реальность как дискурсивный конструкт. В. К. Пичугина рассматривает знаково-символическую реальность педагогики как дискурсивную по своей природе.

Своеобразной аналогией рассматриваемой темы может служить исследование гуманитарных проблем техники, развития науки Т. Куном и вопроса «постава» в их отношении к цивилизации М. Хайдеггером и Н. А. Бердяевым. Э. Капп, Ф. Бон, П. К. Энгельмейер, К. Ясперс, Э. Жак, Х. Ортега-и-Гассет, К. Поппера, Л. Мамфорда, Ф. Дессауэр рассматривали, в том числе, онтологические и гносеологические аспекты взаимодействия человека и техники, понимаемой в широком смысле, включая технику мысли. Отечественные философы этого направления – В. Г. Горохов, В. М. Розин, В. Ф. Шаповалов, Б. И. Кудрин. Современный дискурс во многом техничен и технологичен.

Влияние системы языка на систему мышления и деятельности человека, прямая взаимосвязь этих систем и возможность использования её на практике была обоснована С. В. Чебановым. Системно-когнитивные аспекты оснований науки, логические аспекты организации знания были предметом изучения И. В. Дмитриевской. Системная герменевтика текста, развиваемая Ириной Владимировной, была успешно применена ею к анализу текстов. Возможная аналогия между объектами дискурса, онто-гносеологические аспекты существования объектов математики и логики, их отношения к именуемым их объектам языка, объективность, рефлексивность и релятивность знания

исследовались Г. Б. Гутнером, С. Р. Когаловским, А. К. Кудриным, И. И. Булычевым.

Важные, когнитивно-языковые, символические аспекты отношений форм мышления разработаны О. В. Волковой. Формы идеи, образа, понятия и концепта Т. Б. Кудряшовой – в двухтомнике «Онтология языков познания» и ряде последующих публикаций.

Медиафилософия как вид современного дискурса в лице В. В. Савчука, К. Вульфа, В. П. Макаренко, А. Е. Назимко, О. Ю. Тургеневой, А. М. Ержанова, Е. Г. Варичева, Е. И. Наумова, М. А. Корецкой, О. В. Костиной, Л. В. Нургалеевой, показала способы коммуникации и трансформации культуры. Такими авторами, как Н. Н. Сосна, Д. Ю. Сивков, А. Г. Кузнецов, А. Э. Тарабанов, О. В. Костина, С. А. Азаренко, Т. Б. Кудряшова показаны: репрезентация исторического времени, новых технологий, проблем личности, образования и культуры в современном медиапространстве.

Дискурсия, в отличие от названных направлений, призвана собрать вместе различные аспекты дискурса в единое, комплексное исследование, стать сквозным языком взаимопонимания человека и мира. Дискурсивная философия видит за реальностью мира и наук о нём реальность дискурсов, говорящих об отношениях нас с этим миром и не осознаваемых нами правилах этих отношений.

Объект исследования – дискурсивная реальность. **Предмет** – онтология и гносеологические условия возникновения и трансформации дискурсов в рамках дискурсивной реальности.

Гипотеза исследования: дискурсивная реальность – реальность множества взаимодействующих дискурсов, выступает онтологической основой понимания современного мира, построенного на информации, управляемого коммуникативными стратегиями и тактиками. Дискурс, являясь единицей этой реальности, определяет её локальное устройство и демонстрирует своим субъектам образ мира, не без влияния других дискурсов. Взаимодействие дискурсов осуществляется путём манипуляции субъектами коммуникации, превращения их в объекты. Рефлексивный анализ дискурсивной реальности способен реконструировать, сделать явными структуры дискурса, способы их воздействия на субъекта, а также предсказать следствия взаимодействия дискурсов и появление их новых вариантов.

Цель диссертационного исследования заключается в комплексном онто-гносеологическом исследовании дискурсивной реальности; в обнаружении и фиксации закономерностей взаимодействия и трансформации современных дискурсов. **Задачи исследования:**

1. Проанализировать существующее многообразие подходов к определению понятиям «дискурс», «дискурсивная реальность» и способов обнаружения этих явлений.

2. Выявить новые и недостаточно исследованные аспекты дискурсов и их комплексов.

3. Исследовать механизмы смены онтологии, ведущих идей, организующих принципов взаимодействия составляющих дискурса (понятия, образы, идеи, символы, концепты) в контексте исторических трансформаций дискурсивной реальности.

4. Обосновать и раскрыть очевидность, способы функционирования современных дискурсов на примере актуальных форм познания и коммуникации.

Методологические основы исследования. В основе работы – дискурсивный метод как метод де-дискурсивизации знания, суть которого заключается в выявлении дискурсивной волны актуальности событий, знаний, фактов в их единстве, а также в экспликации динамичной структуры данной дискурсивной реальности. Специфика метода состоит в том, что его универсальность достигается не через обобщение, а через индивидуализацию дискурсов. Поводом к этой индивидуализации могут быть: относительная одновременность актуальных событий, проблем настоящего, относительность оценки явлений, поступков людей в зависимости от социального фона, мировоззрения, установки эпохи. Фундаментальный характер исследованию придают методы М. Фуко: археология и генеалогия знания; компаративистский метод, предполагающий сравнение различных дискурсов, связанных с историческими типами обществ, научными парадигмами, стилями общения и руководства, жанрами научного и художественного творчества; методы экстраполяции и ретрополяции, применимые для анализа развития интеллектуальных процессов. Целью применения того или иного метода является выявление индивидуальных дискурсов и их специфики.

Научная новизна исследования:

1. В философский лексикон введено новое понятие дискурсивной реальности как реальности мнений и знаний о мире, сформированной под воздействием конкретного дискурса и воспринимаемой людьми в качестве априорной реальности смыслов.

2. Предложено новое онтологическое понимание дискурса как коммуникативно-деятельностного феномена, связанного с комплексным воздействием на субъекта традиций, социальных и профессиональных норм, правил языка, речи и поведения.

3. Отмечено, что под влиянием дискурса субъектом приобретает дополнительная способность к антиципации, протенции, быстрым автоматическим реакциям в пространстве дискурса, но в тоже время происходит подчинение дискурсу, замыкание в его границах, потеря критичного отношения к нему.

4. Обоснована возможность совместимости различных стилей философствования в рамках дискурсивной реальности через введение и учёт новой характеристики фактов – их актуальности.

5. Выявлен и описан феномен «дискурсивной волны» (волны актуальности), причиной которого является взаимосвязь упреждающе-рефлексивного реагирования на зарождающийся дискурс («предчувствие дискурса») и его осуществления в поступках людей и событиях их жизни.

6. Дискурс, как понятие, объединяющее субъективную и объективную реальности, можно классифицировать, выделив различные дискурсы. Предложенная классификация, охватывает большую часть возможных дискурсов, различающихся уровнем рефлексии и знаково-символического обобщения.

7. Доказано, что для построения нового дискурса нужно изменение речи, онтологически укорененное и практически востребованное частью общества.

8. Предложено понятие срединных правил для характеристики адаптационных особенностей дискурса.

9. Введено новое понятие «дискурс-субъект» для различения видов дискурса, по-разному развивающих дискурсивную реальность: в отличие от дискурс-объекта вышедший из-под контроля дискурс-субъект способствует производству псевдознаний, иллюзорных фактов и мнимой информации.

10. Предложено новое понимание дискурсивного процесса круговорота смысла через известные формы мысли: образ, идею, символ, понятие, концепт.

11. Раскрыт альтернативно-дополняющий характер структуры дискурса, складывающийся на основе альтернативных вариантов одного дискурса и расширяющий его познавательные границы.

12. Выявлен инвариант внутренней трансформации дискурсов: постановка проблемы – отношение к ней (правило) – дискурсивная ситуация – её преобразование.

Положения, выносимые на защиту:

1. Дискурсивная реальность – это реальность мнений и знаний о мире, сформированная под воздействием конкретного дискурса, трансформирующаяся в реальность поступков, совершаемых на основе этих знаний и становящихся фактами. Она может состоять из дискурсивных и внедискурсивных компонентов, но воспринимается людьми как объективная, независимая от индивидуального опыта. Она детерминирует отношения между людьми, отношения людей к вещам и социальным явлениям, жизненную практику. Нередко это проблемная реальность, подобная лабиринту, для выхода из которого необходимо обнаружить правило, являющееся принципом решения проблемной ситуации и предписанное дискурсом.

2. Дискурс – это коммуникативно-деятельностный феномен, связанный с комплексным воздействием на субъекта традиций, социальных и профессиональных норм, правил языка, речи и поведения. Выражается преимущественно в виде языково-речевых конструкций, указывающих на способ их понимания и склоняющих субъекта широко их применять.

3. Субъект дискурса приобретает способность к антиципации, протенции, быстрым автоматическим реакциям в пространстве дискурса, но в тоже время становится подчинённым ему, замыкается в его границах, теряет критичное отношение к нему. Новый дискурс возникает при явном или неявном появлении метода, способствующего выделению элементов старого дискурса и критической оценки их использования для построения нового дискурса.

4. Взаимосвязь и совместимость различных стилей философствования в рамках дискурсивной реальности обосновывается введением новой характеристики – актуальности. Роль конструктора новых понятий играет дискурс, а побуждением к построению этих, а не других, понятий, выступает волна актуальности (дискурсивная волна). Актуальность соединяет события – сквозь значительные исторические промежутки, а идеи и понятия – сквозь теоретические разрывы.

5. Дискурсивная волна отражает взаимосвязь актуальности феномена и возможности упреждающего реагирования на него с его практическим развитием в поступках людей и событиях. Осмысление данного феномена другим дискурсом способно изменить реакцию людей на него, иначе направить социальный резонанс.

6. Предложена новая упорядочивающая классификация дискурсов по отношению к двум уровням рефлексии и бесконечному числу уровней организации знаков: Д-0 – первичный уровень описания реальности случайными терминами; Д-1 – рефлексия предметной области с прагматикой, синтаксисом и семантикой языка описания; Д-2 – вторая рефлексия с формулировкой обобщающих терминов путем коннотации или метаязыка; Д-3 – метарефлексия и Д-4 – интердискурс.

7. Новый дискурс, подобно новому мировоззрению, начинает влиять на интерпретацию знаний и быстро распространяется в обществе, когда его появление сопровождается изменением речи, письма, неологизмами. Этому способствуют реформы языка, технические и социальные инновации, новые социальные институты. Не существует универсального метода построения дискурса, и каждый дискурс индивидуален.

8. Срединные правила отношений человека с миром это приоритеты деятельности, вызванные актуальностью дискурса. Отвечают на вопрос: почему нечто нужно делать здесь и сейчас? Они, в силу своего промежуточного характера, чаще модифицируются, отвечая потребностям дискурса. В условиях различного рода кризисов они регулируют реакцию человека: что допустимо в данной ситуации, а что нет. Когда их применение оказывается недостаточным для достижения предполагаемого результата, сомнению и критике подвергается уже сам дискурс. Срединные правила различны для людей – носителей разных дискурсов.

9. Каждый дискурс выступает объектом по отношению к другому. Но в дискурсивной реальности иногда возникают иные отношения, приводящие к появлению дискурс-субъекта. Его взаимодействие с другими дискурсами может приводить к некритичному суммированию их идей, спекуляции ими. Этот процесс, выходя из-под контроля, приводит к знаковому засорению реальности.

10. Наблюдаемый в развитии дискурса когнитивный процесс уподобляется круговороту смысла, выражающемуся в круговороте форм: образ, идея, символ, понятие, концепт. На первом этапе потребности удовлетворяются с помощью реальных жизненных отношений. На

втором – они абстрагируются и объективируются в идеальных образах и правилах (этикет, ритуал, идеология). На третьем этапе нормы реализуются в новых жизненных отношениях, преобразуя их и, тем самым, опредмечиваются. На четвёртом – смысл отчуждается от своей идеально-материальной формы и возникает новый смысл, свободный от формы, не рефлектируемый до конца. Затем новый смысл закрепляется в новых реальных жизненных отношениях.

11. Дискурс, в качестве процесса, предполагает наличие в нём движущей силы противоречия. Разрешение данного противоречия может завершиться как распадом дискурса на несколько альтернативных, так и нейтрализацией противоречия и угасанием дискурса.

12. Дискурсивная (диалогическая) философия начинается с осознания *проблемы*, поскольку она стремится не к переустройству мира по идеальному типу, а к взаимопониманию с ним, рефлексивному осознанию наших отношений с миром, мягкому управлению естественными процессами. Если проблема действительно организует и структурирует дискурс, то формируется относительно стабильная *система правил* ее решения (отношений). *Ситуация*, как проблема, выраженная в реальных отношениях между людьми, также может стать регулярно повторяющейся. Соответственно может возникнуть относительно типичная система способов *преобразования одной ситуации в другую*.

Научно-практическая значимость исследования. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы для построения теоретических систем знания, основанных на транспредметном, метаисторическом понимании реальности, открывающемся с позиции волн актуальности и учётом явлений дискурса. Практическая значимость раскрывается в опыте высшего и среднего специального образования, социальной проектной деятельности для формирования теоретических основ технологии рекламы и PR, при разработке законодательных основ названных видов деятельности. Кроме того, исследования дискурса можно использовать для решения практических задач в области создания информационных интеллектуальных систем, развития программного обеспечения, создания новых технологий маркетинга.

Разработанный в диссертационном исследовании дискурсивный подход позволяет: осознавать процессы, в которых мы участвуем, не являясь субъектами этих процессов; осуществлять контроль языка; «покидать дискурс» и формировать другой; понимать имплицитную цель

дискурса; видеть за «идеями» и «открытиями» проблемы и отношения, вызвавшие их к жизни; переходить от абстрактных категорий гуманитарных и социальных наук к конкретным, связанным с отношениями и дискурсом; сближать, сопоставлять предметы исследования гуманитарных и естественных наук, применять сквозные, интеграционные методы в гуманитарных и социальных науках.

Апробация работы происходила в форме обсуждений на кафедре философии Ивановского государственного университета и кафедре философии Ярославского государственного педагогического университета. Теоретические положения диссертационного исследования апробированы в выступлениях на 24 конференциях разного уровня, в том числе: Второй международной научно-практической конференции «Социальное партнерство в образовательной сфере: опыт, проблемы и перспективы развития» (Ярославль, 2005); Международных научно-практических конференциях «Человек в информационном пространстве» (Ярославль, 2005; 2006); Четвертой международной научной конференции «Алмазовские чтения»: роль творческой личности в развитии культуры провинциального города» (Ярославль, 2006); Международной научно-практической конференции «Философия в техническом вузе» (Санкт-Петербург, 2007); Всероссийских научных конференциях, посвященных дню рождения П. Г. Демидова (Ярославль, 2008–2012); Всероссийских научных конференциях «Философия или новое интегративное знание» (Ярославль, 2009; 2011; 2013); Восьмой международной научно-практической конференции «Формирование профессиональной культуры специалистов 21 века в техническом университете» (Санкт-Петербург, 2008); Международных научно-практических конференциях «Российская государственность и право: современное состояние и перспективы развития» (Москва, 2008; 2009); Третьей международной научно-практической конференции «Социальное партнёрство в образовательной сфере: опыт, проблемы и перспективы развития» (Ярославль, 2009); научно-практических конференциях с международным участием «Актуальные проблемы современной когнитивной науки» (Иваново, 2010–2013); Международных научно-теоретических конференциях «Коммуникативные стратегии информационного общества» (Санкт-Петербург, 2012; 2013); 13-th International Conference on Philosophical Practice: «Philosophical Practice as a profession and a new paradigm in philosophy» (Belgrade, 15–18 August 2014).

Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту специальности 09.00.01 – онтология и теория познания по следующим пунктам: п. 4 «Структура бытия, реальности, существования и его онтологические критерии; соотношение объективной, субъективной и виртуальной реальности»; п. 18 «Закономерности формирования и обновления философских категорий и общенаучных понятий в сфере онтологии и гносеологии, в процессах дифференциации и интеграции фундаментальных и прикладных наук»; п. 27 «Социальная детерминация отражательных способностей человека, форм мышления и познания в исторической эволюции общества, а также под влиянием науки и прогресса информационно-технических систем»; п. 35 «Закономерности и этапы формирования научных теорий, их обоснования и расширения сфер применимости; изменение критериев истинности, адекватности и практической результативности теорий, их преэминентности в последовательном приближении к действительности»; п. 40 «Специфика критериев истинности знания в естественных, гуманитарных и технических науках, соотношение истины, ценности и практической эффективности знания, правдоподобного, вероятного и достоверного объяснения сложных процессов и систем»; п. 44 «Специфика индивидуального, коллективного и социального познания и творчества в современную эпоху; изменение субъекта познания во взаимоотношении со все усложняющимися объектами и процессами».

Ключевые положения диссертационной работы отражены в 68 публикациях автора, в том числе 2 монографиях, 14 статьях, опубликованных в журналах, входящих в перечень ВАК, и 1 статье в зарубежном журнале из списка Scopus.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования и включает в себя введение, три главы, заключение, библиографический список. Каждая глава состоит из четырёх параграфов. Общий объем диссертации – 361 страница. Библиографический список включает 403 наименования, в том числе 53 на иностранных языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы работы, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования; описывается степень разработки проблем, фиксируется новизна результатов, их практическая и теоретическая значимость.

Глава 1. Дискурсивная реальность: история проявления и структурирования. Дискурсивная реальность рассматривается как многоуровневая среда, где осуществляется рефлексия предметов, понятий, методов и средств познания. Для рефлексии характерен переход от анализа предмета к анализу процессов, в которых он участвует, последовательность которых и образует дискурс. Разным уровням рефлексии соответствуют различные по глубине анализа дискурсы. Приводится описание исторического контекста, приведшего к появлению проблематики дискурса и формированию основных понятий, трактующих данное явление.

1.1. Дискурс: от описания к определению. Онтология дискурсивной реальности (дискурсивного пространства) – метатеоретический уровень знания о дискурсе – начинается с убеждения, что мысль стремится охватить целое, находясь в некоторой точке пространства знаков и их значений. Знаковое пространство при этом не изотропно, а размечено выделенными знаками, относящимися к разным предметным областям. Одной из них является синтаксис естественного (человеческого) языка, другими – онтологические категориальные схемы конкретных областей знания. Каждую из систем терминов мы можем рассматривать изолированно от других, как «поверхность рассеивания/упорядочивания» знаков, изучать предметный дискурс с целью лучшего упорядочения этих знаков, т.е. извлечения ценной для нас информации из «библиотеки», огромного массива данных.

Генерация гносеологических систем (дискурсов) опережает их законченное, упорядоченное существование в качестве частных онтологий. Гносеологическое пространство не надстраивается над онтологией предметной области, а существует рядом, параллельно с ней. Оно также размечено, но его категориями выступают типы проблем, парадоксы, точки бифуркаций теорий и т.д. Познать факт, в строгом смысле, значит представить его как высказывание – отношение между терминами. Высказывание есть интерпретация факта и, одновременно, ограничение или запрет на иную интерпретацию. Взаимоотношения мысли с реальностью приводят к трансформации высказывания:

изменению и дополнению терминов, отношений между ними или их полной смены.

Дискурс обладает комплексом признаков, совокупность которых позволяет вычлени́ть определённый дискурс из ряда существующих разновидностей. Разные дискурсы могут решать одну и ту же проблему, но подходить к её решению иначе, ставя другие исследовательские задачи, актуализируя иные смыслы, применяя свои методы и, как следствие, получая новые результаты. К примеру, определяя понятия, пытаясь найти основания абсолютного знания, философы античности строят разные дискурсы. В истории широко известны подобные примеры групп дискурсов с существенно различающимися способами решения проблем и актуальностью: Сократ, Платон и Аристотель; Кант, Гегель, Шопенгауэр; Фрейд, Юнг, Фромм и другие, которые можно рассматривать как сквозные дискурсы.

В целом, дискурс организует процесс познания некоторыми исторически преходящими вопросами и категориями, подобными кантовским *argioi*, но меняющимися во времени. Мы формально знаем то, о чем хотели бы спросить Мир содержательно. Направляя свое исследование, мы проверяем гипотезу, применяя на практике готовые интеллектуальные формы и методы. Мы можем убедиться в своей правоте или неправоте, но не можем прийти к принципиально другой гипотезе.

1.2. Коммуникация как отношение, задающее направленность дискурса. Коммуникация выступает операцией дискурса, одним из средств сохранения или преобразования (в зависимости от цели и содержания) наличной ситуации. Первичная коммуникация представляется ритуалом, не имеющим собственного содержания, но служащим передаче имплицитного содержания – всякий раз нового и «вдыхающего жизнь» в преднамеренно «мертвый» ритуал. Прообразом такой коммуникации может служить чайная церемония. Единство знания на философском уровне рефлексии – дискурсия, не сводимо к сумме значений входящих в него понятий. Оно предполагает единство двух функций: обобщения, производства новых идей и смыслов и формализацию логико-грамматических структур, имитирующих старое знание как удобную форму для понимания нового.

В дискурсной коммуникации функцию субъекта во многом берет на себя сам дискурс, причем как в отношении своих элементов, так и в отношении других дискурсов. Он развертывает (навязывает) свои правила, предписывает роли людям, вещам, явлениям, ценностно

окрашивает их и оценивает их деятельность не только в терминах истина/ложь, но и во всём спектре возможных оценок. Преобладающий дискурс стремится истолковать другие, одновременно сосуществующие с ним дискурсы, в своих понятиях, подчинить своей «программе». Дискурсы в дискурсивной реальности предлагают альтернативные программы, приспособливаются к господству данного, стремятся «растворить» его программу в своей или навязать часть своей программы господствующему дискурсу. Кроме того, альтернативные дискурсы конкурируют друг с другом, но обладая разной актуальностью, не могут считаться равными соперниками. Так, современная тенденция к демократизации, уравниванию в правах различных, институциональных и неинституциональных дискурсов, может быть полезной, нейтральной и смертельно опасной для некоторых из них. Так, научный дискурс нельзя «ставить на одну доску» с любительским – псевдонаучным, т.к. популярность второго может быть выше, чем у первого, а его практическое значение равно нулю.

Дискурс в коммуникации использует два типа высказываний: высказывание-макролокуция, которое характеризуется структурой элементарных речевых актов, и высказывание-схема, концепт. Множество людей, сосредоточенных на решении одной актуальной проблемы, вполне способны создать новый концепт, который укажет путь к решению этой проблемы и будет способен изменить мировоззрение людей, создав схему, прототип будущего дискурса. Повидимому, только свершившийся актуальный факт, обозначенный ярким и ёмким словом, может стать нормой: без факта слово «пусто», а без слова факт непонятен, «тёмен», подвержен множеству случайных интерпретаций.

Природа дискурса, на наш взгляд, связана как с коммуникативной, так и с когнитивной способностью человека, и именно последняя способность может вводить нас в заблуждение, убеждая в «истинности» картины, созданной дискурсом. Из этого противоречия человека с самим собой есть только один выход – расширение собственных способностей, интеллектуальная трансценденция. Таким расширением, например, является техника мысли – нейтральная по отношению к своему содержанию и независимая от конкретных дискурсов. Техника мысли – это эвристическая способность производить новые понятия и другие устойчивые интеллектуальные формы из спонтанно возникающих конструкций дискурса.

1.3. Рефлексия как отношение к объекту дискурса. В дискурсии знаки (высказывания) как первого, так и второго уровня рефлексии могут выступать в качестве реальности (к примеру, виртуальной, игровой) для высказываний метауровня, не обязательно являющегося высшим по отношению к своему объекту, но фиксирующим некоторые, существенные для нас свойства этого объекта в своих знаках. При этом происходит перенос части значений со знаков одного уровня на знаки другого, соседнего с первым. Обогащение привычных высказываний новыми значениями делает их актуальными, позволяя применять к анализу более высоких сфер дискурсивной реальности. Так естественный язык использует метафоры-имена различных животных для выражения в них свойств некоторых людей. Богатые метафоры становятся основой басен, памфлетов, изменяющих социальный дискурс посредством «эзопового языка». Число этих метауровней по отношению к одной реальности может быть неограниченно.

Таким образом, многообразие дискурсов по отношению к двум уровням рефлексии и бесконечному числу уровней организации знаков можно упорядочить пятью типами дискурса: Д-0 – первичный уровень описания реальности случайными терминами; Д-1 – рефлексия предметной области, предполагающая наличие прагматики, синтаксиса и семантики языка описания; Д-2 – вторая рефлексия, предполагающая формулировку обобщающих терминов путем коннотации или метаязыка; Д-3 – метарефлексия и Д-4 – интердискурс. Кроме этого, многообразие дискурсов можно упорядочить относительно их элементов, каждый из которых характеризуется определенной структурой и содержанием речевых актов, а также относительно правил, методов соединения этих элементов между собой.

1.3.1. Рефлексия и первичный понятийный аппарат. Человек, субъект, может не заботиться о качестве понятий, которые он вводит для описания нового явления реальности, может не строить специальную онтологию, сближающую его исследование с существующей традицией. Этот уровень описания мы можем обозначить как Д-0, «нулевой» уровень дискурса, поскольку в построении более высоких уровней дискурса наряду с эмпирическим описанием участвует развитая онто-семантическая система научного языка. Но на данном уровне описания её влияние незначительно. Тем не менее, правильный подход к формированию понятийного аппарата конкретных областей знания позволяет находить новые междискурсивные связи и снимать мнимые противоречия между ними. К примеру, в науке существовал конфликт

понятийного аппарата дарвиновской теории естественного отбора и физики. Отсутствие межпредметного дискурса физики и биологии приводило к отсутствию понятий, одинаково применимых как к предметам одной, так и другой дисциплины, непониманию между ними, что в социальном плане подрывало доверие к науке вообще. В настоящее время в научном дискурсе этот конфликт преодолевается благодаря, молекулярной биологии, физической химии, биохимии и биофизике.

Между понятиями одного дискурса (одной предметной области) существует не конвенциональная (по Айдукевичу), а генетическая связь: «дерево понятий», где несколько понятий происходят из их более абстрактных и более общих предшественников. Дискурс может опираться на сложные, согласованные друг с другом логические структуры. Систематичность и внутреннюю непротиворечивость результатам рефлексии придают общие понятия, логические системы типа силлогизма. Однако их объективность можно поставить под сомнение ввиду зависимости их от дискурсивных различий предметных областей. В философии и гуманитарных науках на данном уровне дискурса это может быть понятие или идеологическая формула, вызывающая множественные трактовки, но бессмысленная сама по себе. Она обеспечивает кумулятивность прирастающего знания вокруг неподверженной сомнению аксиомы и проверку всякого нового знания, претендующего на истинность, согласием с этой формулой-аксиомой.

1.3.2. Дискурс предметной области (Д-1): прагматика, семантика, синтаксис. Онтология, в ее прикладном аспекте, является спецификацией концептуальной сферы теории. Для выявления и описания предметно-ориентированного дискурса проводят выявление терминов и их связей. Это необходимо, в частности, для создания новых, более эффективных поисковых систем, применяемых в конкретной области знаний (биохимия, медицина или генетика). Одной из подобных стратегий может быть исследование диалога между миром знаний (фактов) и миром лингвистической семантики (миром имен), ведущегося в проблемном пространстве. Другая стратегия предполагает создание концептуализации предметной области – абстрактной, упрощенной модели, в которой объекты, понятия взаимодействуют между собой в некоторой области интересов. Третья – может рассматриваться как создание логической теории предмета, где есть множество объектов – универсум дискурса – и множество их отношений (функций), открывающих смыслы имен. В наиболее простом случае строится иерархия имен (понятий, категорий), предполагающая определенные связи между ними. Прагматически,

общая онтология предметной области определяет её словарь, что гарантирует последовательность рассмотрения информационного массива, но не гарантирует полноту такого рассмотрения. Выделяя онтологию, категориальный аппарат предметной области мы строим прагматический дискурс, т.е. упорядочиваем этот аппарат в соответствии с нашей целью: к примеру, выделяя одни категории и, игнорируя другие. Здесь встречаются дискурсия как когнитивное явление, предполагающее множественность описания предмета с дискурсом – интерпретацией, выделяющей единственную, актуальную схему понимания этого предмета.

Понятия дискурса выполняют две основные функции: во-первых, фиксируют наше знание о фактах реальности; во-вторых, упорядочивают имеющиеся у нас данные, соотнося их между собой и выстраивая целостное представление о предмете исследования. Первая функция состоит в экспликации предметности понятия, его материальной основы. Вторая, функция упорядочения, приводит понятийный аппарат дискурса к логической замкнутости, что придаёт ему актуальность, возможность более широкого применения. Актуальность, в свою очередь, есть способ достижения цели дискурса. Именно здесь начинают формироваться вопросы следующего уровня: что делает одни, а не другие понятия значимыми для людей? Что человек в действительности имеет в виду, когда пользуется определенным термином? Каковы критерии релевантности информации? Попытки найти ответы на эти вопросы выходят за рамки дискурса предметной области на философские обобщения такие как: мировоззрение, мораль, познавательная способность, творческое мышление.

1.3.3. Философский уровень дискурса (Д-2): коннотации, последовательности, метаязыки. Философия традиционно пользовалась коннотацией для выражения специфических знаний о всеобщем предмете: мире в целом, способах его познания, его динамики. Философские термины и законы должны были не только работать совместно, но и иметь максимально широкую, в идеале – безграничную, область применения. Для того чтобы термин мог выполнять эту роль, он должен быть наделен некоторым дополнительным свойством – «тенью». То есть область значений термина должна выходить за рамки текста – в область контекста, невербального, имплицитного знания. Постепенно, значение такого термина становится тотальным, а его семантика и прагматика тождественными друг другу. Новое знание в философии часто оказывалось независимым и дополнительным к старому: как теория

идей Аристотеля дополнительна к теории идей Платона. В дополнительности всегда кроется конфликт, вызов тотальности объяснения, постулируемой как одним, так и другим дискурсом. Понятие, утверждаемое как всеобщее, начинает трактоваться в зависимости от личных установок субъекта дискурса и однажды открывает смысловой парадокс, раскалывающий единство дискурса. Разделение дискурса на комментируемый и комментирующий тексты, приводит к подмене первичного текста вторичным, комментарием.

Дискурсивная интерпретация – это попытка создать новое значение в соответствии с некоторыми актуальными целями, для чего используются стратегии, трансформирующие привычные ситуации дискурса и, как следствие, меняющие его содержание. Когнитивные методы, основанные на интерпретации как общем принципе, – это концептуализм Абельяра, герменевтика, компаративизм, феноменология, деконструкция. В их основе лежит предварительный анализ прошлого опыта, рефлексия чужих результатов в своих исторических условиях. Анализ фактов новыми методами приводит к необходимости принятия новых понятий, построения нового дискурса. Так, для классической философии на определенном этапе ее развития проблемным становится существование теоретического предела, идейной завершенности её положений на фоне беспредельности идейного поля человеческой мысли.

1.3.4. Метарефлексия (Д-3): формулы, мэмы, фракталы и парадоксы дискурса. Пространство метарефлексии – пространство мышления и чувствования, объединяющее разнородные вещи по особому признаку. Это частичная рефлексия объекта или субъекта, рефлексия отдельного качества, особенности, не дающая целостного знания о нем, но указывающая на эту особенность, парадоксально позволяя говорить о ней и, в её ракурсе, о целом объекте. Метарефлексия нарушает тривиальный, очевидный порядок вещей ради открытия их гипотетического смысла – возможно, даже случайного, данного здесь и сейчас, или вечного, но не очевидного. Это определенный путь и способ перехода от одного порядка вещей к другому: от прошлого – к будущему, от низшего – к высшему. К примеру, в культуре агентами трансформации могут выступать мэмы. Мэм, рассматриваемый как единица культурного наследия, является аналогом биологического гена в культуре. Это может быть мелодия, фасон одежды, анекдот и т.д. Создатели новой науки меметики, опираясь на теорию трех онтологических миров К. Поппера, предполагают, что трансформация сознания (мир-2) достигается

благодаря артефактам (мир-3) и изменяет практическую деятельность человека (мир-1).

Метарефлексия, в отличие от первой и второй рефлексии, обнаруживает не парадокс, а высказывание, потенциально способное стать агентом парадокса: «я лгу», «множество всех множеств» и т.д. Они, являясь символами, выполняющими функцию переключения смысла, способны к перемещению в информационном пространстве, приспособлению к среде, могут содержать несколько независимых частей и т.д. Эти символы действуют как преобразователи состояний объекта. В философской системе И. Канта ими являются регулятивные идеи, а в фольклоре – волшебные вещи. Актуальной целью изучения дискурсивных преобразований ситуаций и их смысла является не построение какой-либо конечной системы аксиом и правил, а открытие принципов системы взаимодействия человека и языка с возможностью рефлексии этого взаимодействия.

1.3.5. Интердискурс (Д-4): единство истории, логики и дискурсивной практики. Интердискурс – это то, что сводит в единое целое пласты разных человеческих знаний, причиной и условием объединения которых являются различные факторы, и прежде всего цели и задачи общения, его тема, проблема и содержание. Отношения между разными высказываниями (порой исключаящими друг друга) независимы от отношений между дискурсами, а отношения между дискурсами независимы от отношений между правилами их формирования. Противоречащие друг другу дискурсы могут формироваться на основании общего для них правила, как и противоречащие друг другу высказывания могут быть принадлежностью упорядочивающего их дискурса.

В дискурсивной реальности мы рассматриваем мир как особый текст, считая факты и материальные явления тождественными их описанию на различных языках познания в перспективе продолжающегося процесса этого описания. Мир-текст находится в процессе постоянной трансформации – переформулировки, интерпретации имеющегося знания, т.е. перевода его с одного языка на другой в силу локальности и предметности каждого из языков и глобальности, сверхпредметности самого знания. Мир как текст трансформируется дискурсом (и другими формальными механизмами) с целью приращения знания. Целью трансформации является не конструирование новых форм, а обнаружение нового содержания, извлечение максимума содержания из наличной информации о фактах. В

целом трансформация работает так, как будто познающей системе присуща память о прошлых вариантах, режимах работы, к которым она может вернуться в будущем, «подняться» над ними или «свернуться» в один из них.

Участвуя в формировании и трансформации дискурса, мы формируем его содержание, упрощая до некоторой формальной схемы, где есть активные агенты, понятные нам термины, и эта схема объясняет имеющийся у нас предметный контекст. Содержание дискурса обладает рядом качеств: оно может быть товаром, формой власти, мировоззрением и т.д. Но свойство «менять мир» оно приобретает после актуализации его дискурсом в особых условиях пространства и времени, делающих его актуальным, т.е. способным преобразовать эти условия, «ответить» на них.

1.4. Способность дискурса к формированию и де-формированию объектов и субъектов познания. Формирование объекта возможно, в частности, на основе выделения отношений между другими, уже существующими объектами. Оно, как правило, сопровождается переплетением множества высказываний, является результатом дискуссий и споров. «Местом» возникновения объекта является проблема, трудность объяснения явления традиционным набором средств, приводящая к необходимости вообразить новый объект, приписав ему свойства, бывшие до этого разрозненными.

Применение понятия о теоретическом объекте к реальным вещам предполагает его трансформацию, изменение и развитие этого понятия, в частности, конструирование других, связанных с ним понятий. В развитии представления об объекте наступает «критический пункт», когда сохранять многогранное представление о нём в целом становится не рационально. Каждая из его «граней» требует самостоятельного изучения и построения особых мнений, теорий новой предметной области. Качественное разнообразие объектов дискурса часто сводится к различным способам их задания: количественному соотношению, порядку базовых элементов и, следовательно, к комбинации численных (количественных) характеристик. А проблему качественной неопределенности предмета решает творческая деятельность сознания.

В дискурсивном процессе первоначально возникший объект дискурса «растворяется» в самом дискурсе за счет постепенного исчерпания значений (получения новых знаний) об этом объекте. Свойства объекта, ставшие значениями высказываний дискурса, могут быть приписаны другим объектам, что меняет когнитивную ситуацию.

Возникает новый дискурс об этих объектах. Дискурс не только «размывает» и трансформирует свой объект, но и формирует новые аналогичные объекты, представляя объект как процесс и анализируя скрытые механизмы и причины этого процесса. Подобно объекту, субъект становится дискурсом субъекта, субъективной функцией дискурса. Например, отсюда берут начало характерные выражения постмодерна: смерть автора, смерть героя, иллокутивное самоубийство. Но эта «смерть» оправдана обретением дискурсом субъекта новых ценностей. «Игра жизни» требует ироничного отношения к «бессмертным», к признанным авторитетам и ценностям. Деконструкция субъекта завершается, когда действительное и мнимое в нём меняются местами.

Глава 2. Дискурс как метод формирования объектов, теорий, правил. Потенциал и реализованные возможности. В рефлексивной системе дискурса происходит процесс преобразования декларативных знаний в операционные правила, структурирующие данный дискурс. Типам дискурсивных правил соответствуют дискурсы, различающиеся сложностью своего внутреннего устройства, которые можно назвать «волнами актуальности» (А-0, А-1, А-2...). Рассматривается структура дискурса как система правил и её выражение в языке. Выделяется характерная для дискурсивного процесса система формальных понятий: проблема – отношение (правило) – ситуация (структура отношений) – трансформация ситуации.

2.1. Методы анализа дискурса: от лингвистики к философии.

Лингвистические методы анализа дискурса показывают, что свойства социальных действий и сами действия определяются построением устной речи или письменного текста. Понятия, как и слова языка, могут носить условный характер, а их значение определяется употреблением. Поэтому вместо изучения речи, репрезентирующей правила действий, возможно изучать сами правила, соотнесенные с действиями и не всегда соотнесенные с языком. В когнитивном плане изучение этих правил позволяет рассматривать взаимодействие внешнего и внутреннего миров человека, скрытых и явных «механизмов» функционирования общества.

Дискурсивный метод снимает противоречие субъекта и объекта и вносит различие в постановку философских проблем: он обнаруживает фундаментальные проблемы не на уровне понятий, а на уровне деятельности, практики, получающей выражение в понятиях. Выявлению этих проблем и их частичному снятию должно служить установление баланса между практиками и правилами, их регулируемыми. А сама

дискурсивная философия должна обнаруживать скрытые правила, оказывающие существенное влияние на практику и баланс практики и правил. В дискурсе мы обнаруживаем совместное действие внешне противоположных тенденций и выявляем ряд ключевых пунктов, где действие этих сил создает единство сопрягающей (равнодействующей) их силы. При этом традиционные предметные деления на экономические, политические, научные, культурные и другие факторы, как и представления о свободе, добре и зле могут быть не актуальны. Мы говорим о силах, игнорируя различие людей и вещей, так как объективные факторы: климат, природные ресурсы, уровень развития экономики – действуют наряду с субъективным принятием определенных, например, оценочных решений.

Динамика дискурса подразумевает нарушение начальной упорядоченности актуальностью событий, фактов, ситуаций, возникающих из соединения предметов разных рефлексивных классов. Волны актуальности (дискурса) влияют на возникновение социальных, экономических, языковых процессов, т.е. носят комплексный характер. Для волн характерно сохранение формы и принципиальная повторяемость, но необязательно сохранение определённой частоты во времени и амплитуды. Будучи связанными между собой, волны способны накладываться друг на друга, формируя более крупные аналоги.

Рассмотрение событий предполагает существование сверхиндивидуальной «машины мышления», поскольку употребляя язык, мы, во-первых, соединяем имена, принадлежащие разным лексическим классам, смешиваем их, конструируя объекты, события, факты, актуальности, которые нам трудно отнести к какому-либо одному из существующих классов реальности и уровней знаков. Во-вторых, мы наделяем сконструированные нами объекты активностью, т.е. силой преобразования установленной реальности. Таким образом, мы преобразуем информацию о мире вне нас в модель нашего мира. Благодаря моделям мы получаем возможность предвидеть события, т.е. видеть мир в динамике. В-третьих, мы анализируем наши модели, строя теории моделей и производные (аналитические) знаковые уровни (первая и вторая рефлексия) относительно любого из первичных, синтетических знаковых уровней. В процессе анализа мы выделяем существенные элементы (значения знаков) и производим их синтез, конструируя вторичные модели возможных миров как актуальные интерпретации первичных моделей нашего мира. При этом ни одна из вторичных моделей не имеет преимущества в истолковании первичных моделей

перед другими, и ни одна из моделей не может претендовать на полноту знания.

Лингвистика помогает понять устройство локального дискурса, а философия видит сквозные (трансдискурсивные, по Фуко) структуры, имеющие дискурсивную природу. Собственно философская рефлексия современности должна говорить о реальности, открывающейся за границей конкретно-исторических форм морали, права, образования. Современность, сводящая себя к последнему акту современности, сиюминутности, мигу – случайна и пуста. Философия должна видеть вечное в каждом моменте современности и делать современным то, что можно считать вечным, транс-временным. Дело философии дискурса – сближать современность с вечностью.

2.2. Правила построения дискурса. Если рассматривать правило как соединение факта (события) и слова (интерпретации этого события), то совокупность правил, которым подчиняется конкретный человек, будет представлять определённое истолкование фактов. Правила произвольны по своему содержанию и форме в силу своего происхождения, но мы, обычно, не можем истолковать их иначе, чем они уже истолкованы.

Правило – это свёрнутый образ действий, мышления, структуры события, высказывания, акта коммуникации. Сложность правила и сфера его применения в дискурсе зависят от уровня рефлексии (типа дискурса: Д-0, Д-1, Д-2...). Она также выражается в типах волн актуальности (А-0, А-1, А-2...). Правило формирует элемент дискурса и отличает один дискурс от другого. В простейшем случае в дискурсах действуют следующие виды правил:

➤ высказываний: соположение, отождествление и подчинение макролокуций дискурса (соответствуют рефлексии Д-0 и выражают актуальность волны А-0);

➤ отношений между высказываниями: различие, сходство, противоположность (соответствуют рефлексии Д-1 и выражают актуальность волны А-1);

➤ эвристики: предпочтения некоторых правил, исключения определенного правила, выбора наиболее точных (частных) условий и т.д. (соответствуют рефлексии Д-2 и выражают актуальность волны А-2);

➤ стратегии: выбор в пользу нескольких привилегированных объектов, большинства, каждого (соответствуют рефлексии Д-3 и выражают актуальность волны А-3);

➤ правила, соединяющие все правила в схему целого дискурса (соответствуют рефлексии Д-4 и выражают актуальность волны А-4).

Возможны и другие, более сложные варианты правил. Любое высказывание, не являющееся правилом, а выступающее, к примеру, констатацией факта (декларативным знанием), может стать правилом дискурса. Правило самоорганизуется в дискурсе, но некоторые правила трансдискурсивны. С одной стороны, правила конкретного дискурса случайны, с другой, – в каждом дискурсе должно быть хотя бы одно необходимое правило, различающее истинные и ложные суждения относительно данного дискурса. То есть каждый дискурс должен содержать некий априорный элемент, иначе всё знание о нем «рассыплется». Так, например, на элементарном уровне один дискурс должен утверждать существование времени, другой – пространства, причины и т.д. Иначе говоря, событие дискурса утверждает и обосновывает собственное существование с помощью правил, абстрактных категорий, понятий, которые дискурс, подобно гегелевскому самосознанию, конструирует сам, и необходимость которых обосновывается в его рамках. Элементарные высказывания, утверждающие реальность некоторого факта, именующие его, несут правило типа «делай так»; «существует»; «это есть». Они соответствуют рефлексии Д-0 и выражают актуальность волны А-0, содержащей одно элементарное высказывание.

Дискурс, являясь сложной знаковой системой, наполненной содержанием, которое интерпретировано определённым образом, приобретает рефлексивные свойства. Благодаря им, дискурс отчуждает значения предметов, таких как человек, природа, общество, культура, образование, наука, которые придал им другой, предшествующий дискурс, и присваивает их себе. Критерием этого присвоения служит обратная связь между предметом и дискурсом: присвоенный предмет занимает определённое ему место и выполняет строго отведённую ему функцию. Дискурс, создающий условия для рефлексии и авторефлексии, можно считать аналогом группового интеллекта, реализующего на предметной реальности определённые идеи своим, особенным способом – посредством социального присвоения значений. Дискурс эпохи формируется не одним элементарным дискурсом, а ансамблем элементарных дискурсов. Правило каждого из элементарных дискурсов создаёт элемент, отличный от других по содержанию и подобный по правилу формирования. Таковы в классической эпистеме «объект», «субъект», «научный факт», «очевидность», «радикальное сомнение».

Каждому из них соответствует правило его формирования, а ансамбль элементарных дискурсов эпистемы формирует идейно-понятийное поле новой культуры в целом.

2.2.1. Правило как отношение между высказываниями. В основе любых норм и правил, которыми руководствуются люди, лежит практика ежедневных и повторяющихся отношений их между собой. Наличие как первичных, так и вторичных правил (отношений) между людьми, как формальных, так и неформальных, приводит к сложной организации жизни, подчиняющейся иерархии соотносимых между собой правил. К примеру, в экономике результаты зависят не только от формальных правил, но и от действия правил неформальных.

В предметном дискурсе следует отличать связь между фактами от связи между высказываниями о фактах (уровень теории). Если первая (несмотря на свою сложность) может быть выражена одним понятием или высказыванием (формулой), то вторая потребует конструкции высказываний, говорящих об этих фактах. Одно высказывание может состоять в равноправных или в неравноправных отношениях с другими. Равноправные и доминантные отношения могут чередоваться в последовательности высказываний, создавая древовидную иерархическую структуру. Кроме этого, выделяют отношение, когда одно высказывание может являться детализацией, свидетельством, обоснованием другого. Все эти виды отношений создают синтаксис высказываний, соответствующий рефлексии предметной области Д-1 и выражающий актуальность волны дискурса А-1, содержащей правило связи двух элементарных высказываний. К примеру: «это верно, а то – нет»; «бытие есть, а небытия нет». Характерная область этих высказываний – фольклор. К примеру: «Любишь кататься – люби и саночки возить»; «Не было ни гроша, да вдруг – алтын»; «Не было счастья, да несчастье помогло»...

Субъект с помощью отношений «раскладывается» на функции: а) причины – принятия решения об определенном действии, в) последовательности действий и в) рефлексивного наблюдателя над этими действиями. Благодаря этому субъект видит мир в процессе его развития. Внутри последовательности наблюдаемых событий действует не субъект, а правило или организованная система правил, выраженная, к примеру, в традиционном мировоззрении в форме фольклора. Таким образом, мы выходим на систему правил, регулирующую отношения высказываний в дискурсе, в основе которых лежат конкретные жизненные отношения между людьми.

2.2.2. Ситуации: правила отношений между правилами.

Следующим усложнением структуры дискурса является ситуация. Ситуация, как и любой из её элементов, может быть рассмотрена со стороны внешней и внутренней структуры. В первом случае речь идет о собственной абстрактной модели элемента, взятого вне всякой связи с каким-либо контекстом. Так, элемент «болезнь» в определенном смысле есть самостоятельный объект с набором характеризующих его существенных признаков. Анализ внутренней структуры ситуации «болезнь» предполагает выделение причины заболевания, симптомов, состояния больного. А признак (например, квалификация и зарплата врача), несущественный с точки зрения внутренней структуры ситуации, может оказаться существенным в рамках её внешней структуры. Внешняя структура элемента и представляет собой систему (пространство) возможных событий в рамках его ситуаций.

Считая, что отношения элементов ситуации описывают правила этих отношений, мы утверждаем тождество отношений и правил и можем рассматривать ситуацию как систему правил разного уровня. Ситуация соответствует типу рефлексии Д-2 и выражает актуальность волны А-2, содержащей правило связи трёх элементарных высказываний. К примеру, два противопоставленных высказывания соединяются третьим, выражающим мотив или причину, обосновывающую правомерность применения второго высказывания по отношению к первому: «утверждение Х неверно, потому, что Y». Подобно тому, как философское понятие действует в отношении других (например, конкретно научных) понятий, правило ситуации действует в отношении других правил. В структуре ситуации рассматривается связь одних элементов в зависимости от связей других, вне которых они не могут стать актуальными. Решением проблемной ситуации является её трансформация.

Трансформировать существующую ситуацию, внося в неё новое правило, способны эвристики. Эвристические правила – это особые высказывания, объектом которых является другое высказывание, правило или противоречие правил. Их источником является философская рефлексия. Конфликтное множество правил можно рассматривать как базу целей, т.е. правил, имеющих не строго ситуационный, а стратегический характер. К примеру, если установлено, что источником проблемы является догматическое правило, то её решение будет состоять в отказе от этого правила. Выделяют следующие эвристики: предпочтения некоторых правил, исключения определенного правила,

выбора наиболее точных (частных) условий, постановки стратегической задачи.

Метарефлексивные высказывания (Д-3) возникают спонтанно, они не имеют логического или языкового основания в той дискурсивной ситуации, по отношению к которой они применяются, т.е. они приходят извне, от субъекта не стеснённого данным дискурсом. Таким образом, последовательная, институциональная и риторическая ситуативность дискурса могут рассматриваться как внешние, стилевые ситуации (приемы), за которыми должна стоять внутренняя ситуативность рассматриваемой проблемной ситуации. На этой основе можно различить поверхностное движение ситуации, и её глубинное развитие, трансформацию в новую ситуацию.

2.2.3. Правило как средство трансформации. Есть множество видов правил, которые действуют внутри дискурсивной реальности: служат обработке предметного знания или обеспечивают устойчивость, самосогласованность дискурсии. Но есть и те, которыми обмениваются дискурсы, правила, служащие преобразованию одного дискурса в другой. Познавательная мощь метода, правила, определяется тем, сколько факторов, условий может быть одновременно учтено в самой структуре нашего правила. Средством трансформации дискурса выступают высказывания рефлексивного типа Д-3 выражающие актуальность волны А-3, заключающей знаково-символическую реальность симулякров, мэмов, брэндов, копиров. Они, в свою очередь, несут имплицитный смысл, актуальность других знаков в «снятом» виде.

Способом борьбы дискурсов друг с другом является интерпретация значения изменчивого знака, не зафиксированного конкретным дискурсом в качестве единственно возможного. Другие дискурсы, интерпретируя изменчивые знаки, наполняют их своим содержанием и встраивают в свою структуру отношений. Важным оказывается специфичность применения правил к предмету познания. Если наша цель – трансформация дискурса или одной из его производных частей, нам будет полезно показать парадоксальность, противоречивость этой части. Для трансформации дискурса в строгую систему или другой дискурс нужно допустить нарушение правил или преднамеренно их нарушить, как это сделали, например, Ф. Бэкон и Р. Декарт в отношении дискурса Возрождения, когда вводили трансформирующие существующий дискурс высказывания, подобные парадоксам.

Такое развертывание дискурса подразумевает последовательность: проблема – отношение – ситуация – трансформация. Правила,

появляющиеся на уровне отношений и трансформаций, отличаются друг от друга и носят вторичный, производный характер по отношению к дискурсу.

2.3. Методы развертывания дискурса. Актуальность современности иначе, чем прошлого, соединяет цели, мотивы и ценности человека: в 30–50-е годы XX века успешным считался человек, избежавший тюрьмы, получивший высшее образование и занимающийся любимым делом на сравнительно лёгкой работе. В 60–80-е годы XX века критериями успеха становятся материальный достаток и карьерный рост, а в начале XXI века – работа в столице или за рубежом, наличие недвижимости.... Смена актуальности определённых ценностей и целей общества происходит под влиянием других дискурсов (экономического, политического, информационного) и принятия в результате управленческих решений и действий конкретных людей. Но при смене актуальности рациональные поступки одного поколения кажутся не рациональными другому. Проблемой анализа дискурса, как волны актуальности, становится рассмотрение причин этой актуальности.

Анализ высказываний – один из основных методов построения «теории дискурса» М. Фуко. Он основан на объективации свойств, характеризующих изучаемый процесс: вначале определяется свойство, а затем конструируется предмет – носитель этого свойства. Философская критика, следующая за анализом высказываний, подразумевает не только формальное, но и содержательное рассмотрение предлагаемой теории или дискурса в целом. Критика, как правило, не ограничивается суждением о данном объекте. Она стремится найти правила, методы целесообразного суждения о тех или иных категориях объектов. Кроме этого она ищет методы правильного конструирования таких объектов. Критика прежнего дискурса выступает методом конструирования элементов нового. Теоретическое основание критики обнаруживает противоречия в высказываниях конкретного дискурса, по линиям которых они должны быть разъединены и соединены вновь уже по другим линиям, перестроены в новую (представляющуюся непротиворечивой) структуру.

Новый дискурс формируется в процессе оперирования с его элементом, как формой, в которую будут впоследствии помещаться объекты исследования. Дискурс как фрагмент истории может одновременно быть и не быть игрой. В реальности дискурса мы имеем дело с актуальным событием, его следствиями и структурой этих следствий. Человек, находясь внутри дискурса, может занять позицию в

его структуре. Он может в качестве агента совершить некий поступок в развитие дискурса. Но дискурс может закончиться, прерваться, затухнуть, смениться другим дискурсом раньше, чем наступят последствия этого поступка. Человек представляет, какими могли бы быть последствия его действий, если бы «миг истории» не прервался раньше. Он многократно проигрывает свои действия, ответы на них, следствия этих ответов и в следующий «миг истории» другого дискурса совершает то, что сформулировал раньше. Его ошибки создают колебание фона, метаисторию и «игру» дискурсов друг с другом.

В развитие предложенной классификации мы предлагаем упорядочивать различные дискурсы относительно уровней рефлексии содержания наших знаний, относительно элемента дискурса (объекта высказывания) и относительно правил отношений между этими элементами.

2.4. Трансформации ситуаций и дискурса. Трансформацией называют изменение значения, смысла высказываний и понятий, позиций участников, правил, предполагающих определенное развитие дискурсивной ситуации, а также изменение самого дискурса, смену его другим. В процессе трансформации ситуации имплицитное становится эксплицитным, метафорическое значение ключевого слова, высказывания (средства трансформации), переключается, становясь прямым, не метафорическим. К примеру, трансформацию философского дискурса производит М. Хайдеггер, переводя разговор о предмете метафизики на рефлексию метафизики, её «условие возможности», в качестве которого рассматривает другое высказывание – «свет бытия». В результате, привычный дискурс идей, в котором каждому понятию уготовано место в логико-теоретической системе других понятий, сменяется дискурсом, не предполагающим «логику теории».

Дискурсивная трансформация является средством изменения предметного содержания путем изменения дискурсивной ситуации. Примером этого может являться дискурс трёх, исторически следовавших друг за другом произведений: «Страсти по Лейбовицу» У. Миллера, «451 градус по Фаренгейту» Р. Брэдбери и «Враг мой» Б. Лонгиера. Ситуация, рассматриваемая этими произведениями, – драматическая взаимосвязь книжной культуры (догмы) и неизбежного конфликта, войны между представителями разных «ветвей» этой культуры. Трансформацией этой ситуации выступает ситуация второго произведения, где ради сохранения мира цивилизация пожертвовала книжной культурой, следствием чего стал тоталитаризм. Третье произведение стремится «снять» как

противоречие двух первых между собой, так и их внутренние противоречия. Это достигается путём придания «истинам» противоречащих друг другу книг исторически конкретного, ситуационного характера, что можно выразить фразой: «каждому времени – свои песни». Трансформация формы ситуаций – от первой к третьей – сопровождается трансформацией содержания произведений: от хранения «вечных» ценностей к самоценности личности и человеческим отношениям, которые можно зафиксировать в новых книгах и ценностях. Актуальность дискурса войны также трансформируется: от констатации факта «война ужасна» к показу потери человеком и обществом человечности (в тоталитаризме) и показу причин взаимного непонимания, конфликта как такового и способов их разрешения.

Отношения между практиками, формирующими дискурс, и им самим характеризуются (глобально) как динамическое равновесие. Они взаимно обуславливают существование друг друга и каждый из них способен принципиально изменить другого. Дискурс и условия его возможности (практики) в обществе являются двумя сторонами единой деятельности. Самостоятельность дискурса и практик обусловлена тем, что в их основе лежат два базовых отношения между людьми: деятельностно-практическое и сознательно-рефлексивное. Благодаря первому отношению человек действует, а благодаря второму – осознает и корректирует свою деятельность, подчиняется нормам. Между ними нет первенства, но есть взаимность понимания или непонимания, осуществляющаяся благодаря правилам деятельности, формулируемым дискурсом на основе успешного опыта и распространяемого на все практики.

На нижнем, предметно-практическом уровне правила – это техники и технические инструкции, отвечающие на вопрос: как делать нечто? На высшем уровне правила существуют как цели и смыслы, отвечающие на вопрос: зачем это делать? Между ними располагаются собственно дискурсивные правила актуальности, отвечающие на вопросы: почему? и как? Проблематизация некоторого явления в дискурсе означает выделение его в качестве актуального и проблемного, требующего вмешательства и изменения его роли для определенной сферы жизни. Она способствует пониманию чужой рациональности и трансдискурсивному, осознанному формированию своей.

Глава 3. Следствия дискурсивных трансформаций: изменения форм правил в процессе познания. Формы правил, которыми выступают образ, идея, символ, понятие, концепт, содержат в себе имплицитное указание (инструкцию) на способ применения этого правила: на то, сколь широко должно быть применено это правило, к каким результатам оно должно приводить и т.д. Отношение формы правила и самого правила, структурирующего данный текст, к примеру, идеи произведения подобно отношению подзаконного акта – к закону. С одной стороны, этот акт всего лишь трактует закон и не может выходить за его рамки, с другой – он может существенно изменить понимание закона, исказить его и всегда влияет на результаты применения последнего. Одинаковое содержание, к примеру, правил поведения, этикета может быть представлено как в форме идеи, так и в форме образа, понятия, символа, концепта. Форма образа будет выражена имплицитным требованием, личным примером, тогда как форма идеи потребует словесного выражения: от совета до приказа. Понятие, в свою очередь, будет выражено в дискурсе через набор признаков, которому должен соответствовать данный предмет, либо через отношение с другими понятиями.

3.1. Понятия и категории как результат трансформаций дискурса. Уже в философии античности проявился плюрализм в попытке формирования всеобщего, абсолютного и непротиворечивого знания, открывший относительность путей, методов, частных приоритетов. Целью формирования новых понятий является систематизация знания о мире. Способом структурного оформления знания в истории познания часто выступает метапонятие, на роль которого в разное время претендовали Бытие, Свойство, позже Система, Структура и т.д. Дискурс европейской философии, опираясь на рефлекссию, на каждом этапе последовательных трансформаций производил характерными для этих этапов способами новые понятия или менял значения привычных понятий идеи, материи, сущности, собственности, права, государства, свободы, нравственности. Так, противоречие порядка и произвола в дискурсе античности трансформируется в противоречие идей и вещей и разрешается созданием формальной логики, «снимающей» отчасти это противоречие.

С помощью понятий строились и трансформировались онтологии: от объективного идеализма Платона к субъективному идеализму Канта, диалектике понятий Гегеля, материалистической диалектике Фейербаха и Маркса, далее к неклассическим концепциям Шопенгауэра, Ницше и

постнеклассическим Фуко, Лиотара, Дерриды... Актуальность этого дискурса постепенно смещалась от объективации и фиксации идеалов в понятиях, к выражению в этих понятиях субъектности знания, его процессуальности, от абстрактности – к конкретности, от теоретизма – к эмпиризму и т.д. Аналогичную динамику мы наблюдали выше в последовательной смене ведущих макролокуций дискурса в его трансформациях от эпистемы Возрождения к классике Нового времени.

В период постмодерна была начата деконструкция традиционных познавательных схем, как содержательно-онтологических, связанных с субъект-объектной парадигмой, так и формально-семантических, связанных со знаком и смыслом. Дискурсивный путь мысли направлен аналитически: от следствий – к причинам, от фиксации фактов – к процессам и причинам этих процессов. Обнаружив причину, мысль обращается к другим фактам, образуя некий круговорот способов отношения к реальности. К примеру, в постмодерне материальная вещь уходит из поля познания, замещаясь дискурсом. Понятие обесценивается, но содержание понятия, очевидное в одном контексте и не очевидное в другом, не может просто исчезнуть. Операция деконструкции всякий раз обнаруживает контекст – место «исчезновения» вещи. Некоторые локальные дискурсы в своей попытке разрешить внутреннее противоречие индуцируют возникновение других локальных, продолжающих их работу другими средствами, в другой, трансформированной ситуации, создавая сквозной дискурс. Классическими примерами таких дискурсов, развивавшихся на протяжении XX века, являются марксизм и фрейдизм. Сквозными интеллектуальными дискурсами могут быть концепты, осмысленные в ряде научных и художественных произведений: война, свобода, власть, догма, любовь, смерть.

3.2. Непонятные формы правил. От образа – к идее. Дискурс на первой стадии своего развития, фиксируя факты, способствует формированию образа как отдельного интеллектуального объекта. В дискурсе возникает творческий резонанс между идеей субъекта и творимым интеллектуальным объектом, когда объект начинает «жить своей жизнью», навязывать свои правила построения, свою «логику» субъекту творчества. Типичность и индивидуальность, характерные свойства образа, позволяют рассматривать его как знак вещи, факта, соответствующий рефлексивному типу Д-0 и волне актуальности А-0. Созданный образ начинает не только воспроизводить себя во множестве интерпретаций, но соединяться и взаимодействовать с другими образами,

создавая, взаимодействующие друг с другом серии смыслов. Попытка анализа множества этих серий приводит сознание на метауровень рефлексии Д-3.

Образ объединяет в себе типичную, актуальную идею и индивидуальную вещь, предмет. Две стороны, соотносимые в дискурсивном образе, это его идеальность и объективность. Между ними протекает процесс качественного обмена: идея приобретает конечность вещи и актуальность в конкретном времени, а предмет обогащается ценностью, значением идеи. В качестве знака образ может, как приобретать, так и терять своё значение, свою виртуальную ценность, выражаемую порой через реальную стоимость (бренд). Дискурс способен как наполнить образ объективной фактичностью, так и опустошить его, сделав пустым знаком, лишённым всякого значения. Образы, благодаря своим свойствам, создают первичный слой знаковой реальности, объективирует субъективные смыслы.

Дискурс как отношение между образами привносит порядок, выстраивая последовательности, иерархии, интерпретируя новый, только что возникший образ как модель объяснения предшествующих его рождению образов. Тем самым формируется динамическая связь между образами как одного, так и разных порядков, выражаемая в идее.

3.2.1. Идея. От идеи – к символу. Идея в дискурсе рассматривается как прикладной принцип, дополнение к понятию. В случае затруднения с выбором понятия, идея помогает осуществить этот выбор в конкретном случае. Свойствами идеи являются: гибкость, конкретность, обеспечение единства понятия и явления. Главная функция идеи – реализация связи компонентов дискурса. Преобладание идей в дискурсе говорит о предметно-практической направленности этого дискурса, наличия в ней рефлексии типа Д-1 и соответствия с уровнями актуальности А-1 – А-2.

Содержательные идеи – логические, философские, социальные, художественные – предполагают ту или иную последовательность мышления, схему, алгоритм решения некой «задачи». Идея, как минимум, трёхкомпонентна. Она связывает два объекта или объект и качество определённым, третьим элементом. Это может быть умозаключение, силлогизм, соотношение реальности и идеала, с указанием способа перехода от первого ко второму. Реальность, как и идеал, при этом могут выражаться образами, но в случае идеи они подчинены третьему компоненту – связи между ними. Идея, как правило, более активна и более актуальна, чем образ. Идеи «реализуют», «претворяют в жизнь» и т.д. Идеями могут выступать любовь,

революция, война, спасение мира, забота о ближних, страх, бунт, подвиг. К примеру, идея, полностью интегрирующая индивида в общество, нивелирующая его индивидуальность до социальной функции, характерна для философии Платона и Гегеля.

Идея и дискурс обозначают во многом разнопорядковые явления, но оба эти термина имеют общую основу – связь между правилом и словом. Дискурс обычно имеет дело не с последовательным развертыванием, обоснованием и доказательством новых идей собеседников, а с обменом мнениями по поводу тех или иных известных идей и оперирует только их именами. Для развертывания дискурса нам важны не объекты, а отношения между ними или отношение к ним говорящих субъектов. Развертывание дискурса приводит к объективации этих отношений в направлении конструирования нового предмета и последующих высказываний о нем. Но успех нашей объективации и конструирования будет зависеть от того, насколько корректно мы обращаемся с именами идей. В сознании человека идет процесс автоматического синтеза одних идей из других, причем он идет неявным для субъекта образом. Идея и дискурс оказываются неразрывно связанными между собой, как волна и частица, в тех случаях, когда идея истолковывается, раскрывается в самом рассуждении, т.е. мы видим ее конструкцию.

Идеи в качестве единств образов являются формами правил, действующими в отношении высказываний о фактах, декларативного знания или других интеллектуальных конструкций. Такие идеи-правила можно назвать «свободными алгоритмами». Высказывания и тексты в информационном (виртуальном) пространстве разделены условно, а чаще – тесно связаны друг с другом, что способствует их взаимной коммуникации и обмену идеями. В пространстве знания «всё существует во всём». Все высказывания и тексты являются взаимопроницаемыми и взаимоинтерпретируемыми. Такие высказывания могут управлять поведением людей. В сплошном, тотальном информационном пространстве человек утрачивает субъектность и сознательность, становясь средством интерпретации одних текстов посредством других и реализации в качестве команд – третьих, что поддается осмыслению только на символическом, метарефлексивном уровне.

3.2.2. Символ. От символа – к понятию. Символ, как и идея, выражает связь между образами, предметами, людьми и вещами, между прошлым и будущим, мирами, аспектами реальности. Но в отличие от идеи, символическая связь не поверхностная, а глубинная. Если идея

соединяет элементы одного порядка, то символ – разных. В отличие от образа и идеи, символ принципиально многозначен. При этом, подобно идее, как её представил Деррида, символ прозрачен к своему содержанию. Это диалогическая, принципиально дискурсивная форма мысли, поскольку он объединяет человека с историей, читателя – с писателем, человека – с самим собой. В символике особое представляет себя не через общее, а через раскрытие своего действия, свойства. Символ может принадлежать как к философской рефлексии Д-2, так и к метарефлексии Д-3 и, соответственно иметь разную актуальность.

Символ в качестве знака, формы мысли, принципиально дихотомичен и двунаправлен, соединяет две бесконечности, одновременно соединенные и разъединенные, сопоставленные и противопоставленные друг другу. Это дихотомии добра/зла; души/тела; реального/воображаемого; человека/природы и т.д. Каждая из сторон дихотомии имеет объем и содержание, с помощью которых означает причисляемые к ней предметы. В среде символов процесс познания означает раскрытие и расширение значения символов. Это процесс расширения содержания одной из сторон символа, включение в неё новых признаков и расширение объема другой стороны символа – включение в неё всё большего числа предметов, к описанию которых применяется символ. В результате такого двойного расширения, различие внутри дихотомии достигает возможного максимума, когда одна из сторон, потеряв объем, становится пустым знаком, перестав означать нечто реальное, а другая теряет содержание, обозначая всё, что угодно и не отличая что-либо одно от чего-то иного. Используя символ не остается ничего другого, как «размыть» дихотомию, совершить «обмен», приписав свойства одной стороны – предметам другой. В результате, символ теряет свою двузначность, становясь универсальным знаком, имеющим одно (выделенное) значение, т.е. становится понятием. Но в отличие от понятия символ связан с бесконечностью указаний на другие символы или их интерпретации и никогда не достигает точности определения, доступной понятию.

3.2.3. Понятие. От понятия – к концепту. Чистое понятие имеет пустой объем и бесконечно большое потенциальное содержание. Например, умножение смыслов изначально бедного по содержанию понятия «ничто» доказывает потенциальную неисчерпаемость любого понятия в случае стремления человека придать ему то или иное содержание. Но это новое содержание оно приобретает, когда занимает определенное место в системе других понятий, теорий или

мировоззрений. Конструкция понятий, высказываний является одновременно описанием фактов реальности и дискурсом, т.е. конструкцией отношений между высказываниями, призванной убедить нас в её истинности. Понятийный дискурс опирается на строгие определения понятий, в пределе – на систему аксиом. Обладая рефлексией Д-1–Д-2, за счёт высокой связности понятий он способен создать волну актуальности А-4, выражаемую в полной мере только сквозным дискурсом.

При этом ясное значение понятия «ничто» как понятия с нулевым объемом исчезает, когда мы начинаем использовать его в метафорическом смысле, наполнять субъективным содержанием. Фактически такое понятие теряет свое изначальное значение и становится формальным классификатором, упорядочивающим любое содержание в соответствии с предписанной ему ролью в онтологии, метафизике субъекта. Система понятий и категорий должна быть открытой, неполной, чтобы не быть противоречивой, приводящей к ошибкам. К примеру, понятие «класс» применяется одинаково к социальной и материальной действительности, благодаря чему возникает параллелизм экономики и нравственности, практическое и этическое начинают противоречить друг другу и при этом неявно подменять друг друга. При этом неспециалисты могут путать понятия финансовой и экономической эффективности и в дискурсе рекламы принимать одно за другое.

Для понятийных систем характерно конструирование замкнутых онтологий. Замкнутые онтологии замыкают свойства одной категории (понятия) на свойства другой, благодаря чему происходит их взаимопроверка и взаимное обоснование. Но, как правило, одна из категорий имеет другой характер. В ней идеально-теоретическое (субъективное) понимается двояко: как в идеальном, так и в реальном, субстанциональном смысле, что приводит к «неопровержимости» идеи оппонентами. Этой ситуации избегает И. Кант, избавляясь от смешения языка и метаязыка путем отделения категорий (для описания мира) от регулятивных идей (отвечающих за целостность мира, проверку описания). Множественность исторически сменяемых значений понятий, их историческая конкретность часто противоречит тотальности, вневременности употребления этих понятий. Это противоречие преодолевается в концепте.

3.2.4 Концепт как форма правила. Концепт в качестве правила обобщает те свойства вещей, которые не поддаются обобщению в

понятии. Концепт и понятие – термины разных наук: понятие характерно для естествознания и классической логики, а концепт – термин наук о культуре и математической логики. Концепт – плод диалектики Абеляра, соединившего условность имени с реальностью качеств, объединенных этим именем. Универсализм концепта направлен на универсализм рефлексии (Д-4), единство знания и предполагает его общезначимость, актуальность (А-4), наряду с возможностью выделения отдельных, подчинённых смыслов (от А-0 до А-3).

Концепт, опирающийся на традицию и аргументацию этой традиции, может выступать инструментом дискурса и его итогом. Здесь, мы от множественности переходим к единству, но при этом игнорируем разнообразие природы существования имени, идеального объекта, эмпирической идеи, понятия, системы отношений и т.д. Говоря о концепте «время», мы подразумеваем некую длительность, но игнорируем различие субстанциональной и реляционной конструкций времени как понятия, т.е. неявно требуем от собеседника понимания и принятия через понимание нашей концепции, какой бы она ни была. Синкретичная конструкция концепта «снимает» противоречие условного имени и безусловной реальности качеств, но не разрешает онтологическую проблему различия существования того и другого. Аналогично, термин «концепция» в науке определяется как способ трактовки, понимания, как система взглядов на явление, что отсылает нас к синкретизму концепта.

Новое значение подменяет или уточняет старое в рамках концепта (функции, социальной роли). Актуальное понятие, напротив, оформляет возникшее значение, потребность в этом понятии, т.е. реализует уже имеющуюся концептуальную сущность в актуальном существовании (значении). Как правило, концепт объединяет разнородные свойства, наделяя их общей сущностью, но при этом допускает дифференциацию смыслов употребления, существования этой сущности. Смыслы концепта указывают специфичные пути и цели конструирования понятий.

3.3. Круговорот смысла в дискурсивном процессе. Говоря о дискурсе с точки зрения его содержания, мы имеем в виду когнитивный процесс, определенный круговорот смысла. На его первом этапе потребности людей удовлетворяются с помощью реальных жизненных отношений между ними. На втором – наиболее важные отношения абстрагируются и объективируются в идеальных образах и правилах, сумма которых представляет этикет, ритуал или идеологию, где должное, смысл надстраивается над сущим. На третьем этапе нормы реализуются в

новых реальных жизненных отношениях, преобразуя их и, тем самым, опредмечиваются. Смысл отчуждается от своей идеально-материальной формы (слова, правила). Должное, реализовавшись в сущем, перестает быть должным, а становится (хотя бы частично) сущим, повседневным. В результате, на четвертой стадии возникает новый смысл, свободный от формы, не рефлектируемый до конца, не имеющий словесного выражения и находящий своё выражение в «прозрачности экзистенции» (Киркегор) или в отношении «я – ты» (Бубер). Для него характерно распредмечивание, присвоение людьми. Этот новый смысл закрепляется в новых реальных жизненных отношениях.

Пример этого: в Античности люди осознали преимущества жизни в большом государстве, сформировали соответствующий социальный идеал жизни и стали реализовывать его, создавая первые государства как союзы племён. Но эти государства (греческое, арабское), быстро распались, так как племенная принадлежность людей оказывались сильнее, чем их единство в составе государства. Условием реализации общегосударственных, социальных норм, оказалось создание личных нравственных норм: этики Сократа, этики Аристотеля, норм Корана. Социальный идеал был реализован путём создания личного идеала. Но личный идеал, в полной мере реализуя социальный «проект», поглощает его, делая ненужными некоторые его институты. Люди, живущие по нормам нравственности, сформированным, к примеру, в большом государстве, перестают нуждаться в его опеке и формируют новый социальный идеал – к примеру, безгосударственного устройства общества. Таким образом, социальный идеал (как первичная система норм) порождает личный (вторичную систему норм), которая реализует на практике и поглощает первичную систему, порождая необходимость в новом социальном идеале. При этом новые идеи приобретают способность двигать людьми только при условии их воплощения в формах социального, а затем и развивающего его, личного дискурса.

В исследовании дискурса мы имеем дело с отделением истории фактов от истории интерпретации этих фактов, поскольку эти две истории подчиняются разным интенциям и разным внутренним законам. Первая история говорит о последовательности и сцеплении событий между собой – она открыта во времени, неполна и противоречива. И потому – в принципе интерпретируема и многозначна. Вторая – метаистория (философия истории). Её теоретические объекты имеют конкретные цель и смысл они полны и непротиворечивы. Но откуда берутся эти объекты? И. Кант в «Критике способности суждения»

выводит «план цели» как регулятивную идею мышления – интуицию целого, направленную на познание бесконечного. Причем это познание не открывает истину смысла, а только символизирует её, «свидетельствует» о ней, открывая мир вещей самих-по-себе. Таких, как прекрасное, истина, свобода, всеединство, благо, справедливость.

Роль посредника между фактом и интерпретацией, сознанием и историей берет на себя идея (в кантовском смысле этого слова). Чтобы открыть природу актуальности нашей интерпретации мы должны найти «точку схождения» самых разных и даже противоположных по своей направленности философских теорий. В формальном, методическом смысле, эта точка должна указывать на единую природу мысли. Подобно тому, как у Гегеля три логических аспекта: рассудочный, негативно-диалектический и спекулятивный действуют совместно и одновременно, определяя единство мысли и действия. При этом троякое единство оказывается невыразимо средствами линейного звукобуквенного языка и классической формальной логики. Мы можем мыслить и действовать на основе сложного анализа многофакторной ситуации, но мы вынуждены говорить одновременно только об одном из трех возможных аспектов реальности. Отсюда следует относительность понятий и категорий по отношению друг к другу и к внешнему миру. В предметном знании о мире идет борьба за истинное познание, в обществе – борьба за признание достоинства каждого человека. В области смыслов происходит переоценка ценностей, смена приоритетов развития и корректировка проектов – по мере их осуществления в реальности.

Дискурс переносит и реализует созданный воображением смысл в практику. На каждом этапе дискурсивного процесса действует свой механизм означения, реализующий содержание особым образом. Последовательность форм мысли можно соотнести с разными этапами жизни дискурсивного процесса: так, образ характерен для рождения дискурса, идея – для стадии его роста, символ – расцвета, понятие – господства, а концепт – старения и смерти. Механизм остановки, прекращения дискурса основан на авторефлексии, «зацикливании» его процесса тиражирования и повторения. Авторефлексивные структуры «отсчитывают» внутреннее время дискурса, приводящее его к остановке и прекращению. Основой этого процесса может быть обмен значениями между сторонами противоречия, лежащего в основе конкретного дискурса, приводящий к конечному тождеству противоположностей, универсализации некоторого концепта и утрате им смыслоразличительной (когнитивной) функции.

3.4. Дискурс, истина и знание. Дискурс о знании был одним из главных в человеческой мысли. Новое знание – это не только результат некоторых усилий, но и парадокс – путь к иному, непредсказуемому результату, т.е. средство преодоления ограниченности старого знания. Оно, как правило, появляется не там, где заканчивается старое, а там, где его ищут, где ощущается актуальность, острая необходимость в нем. Знание отвечает потребности людей именно в этом знании. Следовательно, знание субъектно, социально и ценностно обусловлено.

Анализ проблемы истинности знания предполагает переориентацию исследователя от «воли к истине» к «заботе об истине». Это альтернативные стратегии отношения человека к процессу познания. Если первая из них предполагает трансляцию образца (успешного опыта) на другие объекты, не всегда подобные «образцовому», т.е. неполную индукцию в познании, то вторая – фиксацию соответствия предмета и метода, правила и практики. Последнее означает дополнение «истины факта» истиной правила (конкретного отношения к этому факту), т.е. правилом обнаружения (имплицитным методом) этой конкретной истины. Кроме того, знание может быть единым или альтернативным. Появление последнего – признак недоверия общества официальному знанию, его раскола, загрязнения информационного пространства, а также и рождения нового дискурса. Альтернативное знание должно обладать рядом признаков, чтобы быть конкурентоспособным со знанием официальным, общепризнанным, традиционным.

Дискурсивная реальность может быть конституирована как рефлексия метода, общекультурное измерение познания. Она может быть не менее строгой и более конкретной, чем классическая реальность эпистемологии. Специфичным для дискурсов является знание правил (отношений), ситуаций и преобразований этих ситуаций, в которых выражается наша позиция по отношению к фактам и опыту. Эту специфику можно назвать актуальностью знаний. Субъект познания, выражая отношение, исполняя одно из правил дискурса, выступает «средним термином» дискурсивного «силлогизма», объединяя практику и правила. Обладая способностью осуществлять практику и давать правила, он может «сливаться» как с практикой, так и с правилами, замещать и, тем самым модифицировать их в дискурсивном процессе.

В Заключение подводятся итоги диссертационного исследования, намечаются пути дальнейшей работы над темой, формулируются выводы, вытекающие из содержания работы.

Однако необходимо продолжать работу по исследованию дискурсивной реальности в направлении изучения качественного многообразия волн актуальности, углубления знания о правилах формирования конкретных дискурсов, влияния множества других форм ментальности на протекание дискурсивного процесса.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

Статьи в журналах, включенных в Перечень ВАК России

1. Петряков Л. Д. Дискурсивное время и «вечность» истории // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2013. — Вып. 7. — С. 43–46. [ИФ РИНЦ – 0,036]

2. Петряков Л. Д. Альтернативные дискурсы как философская проблема коммуникации // В мире научных открытий. — 2013. — № 12.1 (19). — С. 43–46. [ИФ РИНЦ – 0,127]

3. Петряков Л. Д. Дискурсивная реальность и волны её актуальности // Перспективы науки. — 2013. — № 10 (49). — С. 115–118. [ИФ РИНЦ – 0,144]

4. Петряков Л. Д. Взаимодействие образа и идеи в социально-литературном дискурсе // European Social Science Journal. — 2013. — Т. 2. № 9. — С. 156–163. [ИФ РИНЦ – 0,053]

5. Петряков Л. Д. Идея и дискурс в коммуникативном процессе // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». — 2012. — Т. 3. Вып. 3. — С. 228–233. [ИФ РИНЦ – 0,333]

6. Петряков Л. Д. Концепт и понятие в дискурсивной практике // Полигнозис. — 2012. — № 1–4 [44]. — С. 21–27. [ИФ РИНЦ – нет]

7. Петряков Л. Д. Четыре диалекта языка науки. Роль категорического силлогизма в дифференциации знания // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». — 2012. — № 2 (22). — С. 237–240. [ИФ РИНЦ – 0,006]

8. Петряков Л. Д. Перцепция и интенция: образ ученого в СМИ и идеализированный объект науки // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». — 2012. — Т. 3. Вып. 1. — С. 29–33. [ИФ РИНЦ – 0,333]

9. Петряков Л. Д. Особенности отношений понятийных аппаратов теорий как аналог отношений в системе: ценности – понятия // Философия хозяйства. — 2011. — № 5 (77). — С. 126–131. [ИФ РИНЦ – 0,049]

10. Петряков Л. Д. «Исправление имен»: соотношение идеи и понятия в научном мышлении // Исторические, философские,

политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 7 (13). — С. 179–182. [ИФ РИНЦ – 0,186]

11. Петряков Л. Д. Парадокс понятийного аппарата теории и язык науки // В мире научных открытий. — 2011. — № 7.1 (19). — С. 521–531. [ИФ РИНЦ – 0,127]

12. Петряков Л. Д. Количественный аспект качественного понятия в философии и конкретных науках // Перспективы науки. — 2011. — № 3. — С. 58–62. [ИФ РИНЦ – 0,144]

13. Петряков Л. Д. Своё и чужое: роль понятия и слова в обнаружении новизны // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. — 2010. — № 2. — С. 77–79. [ИФ РИНЦ – 0,032]

14. Петряков, Л. Д. Глобализм и локальность современности (в аспекте речевого общения) // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». — 2009. — № 2. — С. 58–62. [ИФ РИНЦ – 0,032]

Статьи в журналах, индексируемых в SCOPUS

15. Petryakov L. D. Discourse as the problem and method of philosophy // World Applied Sciences Journal. Vol. 27 (Education, Law, Economics, Language and Communication) N 2: 232–235, 2013 ISSN 1818-4952 // IDOSI Publications, 2013 DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.27.02.13631

Монографии

16. Петряков Л. Д. Дискурсия как метод гуманитарного знания: монография. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. — 304 с.

17. Петряков Л. Д. Проблема различия и противоречия. Язык как способ объективации рациональности: монография. — Ярославль: ООО «ЯрМедиаГрупп», 2009. — 216 с.

Статьи в российских рецензируемых журналах

18. Петряков Л. Д. Единство правил и практики социальных дискурсов // Философия и общество. — 2014. — Вып. № 1(73). — С. 110–118. [ИФ РИНЦ – 0,247]

19. Петряков Л. Д. Дискурс как рефлексивный метод в философии // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2013. — Вып. 2. — С. 41–53. [ИФ РИНЦ – 0,072]

20. Петряков Л. Д. Семантика понятий «время» и «вечность» в первой антиномии И. Канта // Известия высших учебных заведений. Серия

«Гуманитарные науки». — 2011. — Т. 2. Вып. 1. — С. 36–39. **[ИФ РИНЦ – 0,333]**

21. Петряков Л. Д. Семантика конфликта // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2009. — Вып. 2. — С. 37–58. **[ИФ РИНЦ – 0,072]**

22. Петряков Л. Д. Смысл над бездной или бегство от идеала? // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. — 2007. — Вып. 1. — С. 84–87. **[ИФ РИНЦ – 0,052]**

23. Петряков Л. Д. «Идеальный объект» и непротиворечивость языка // Философский альманах. — 2004. — № 7. — С. 85–89.

Прочие научные издания

24. Петряков Л. Д. Волны актуальности и смена идеалов в дискурсивном процессе // Коммуникативные стратегии информационного общества: труды VI Междунар. науч.-теор. конф., 20–23 ноября 2013 г., Санкт-Петербург. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского политех. ун-та, 2013. — С. 119–120.

25. Петряков Л. Д. Дискурс образа и дискурс идеи в их взаимодействии // Актуальные проблемы современной когнитивной науки: материалы VI Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 17–19 октября 2013 г., Иваново. — Иваново: ОАО «Иваново», 2013. — С. 165–170.

26. Петряков Л. Д. Дискурс в контексте философского знания // Философия или новое интегративное знание – 3.: материалы Всерос. науч. конф. Май 2013 г., Ярославль. — Ярославль: Изд-во Яр. гос. пед. ун-та, 2013. — С. 197–208.

27. Петряков Л. Д. Пространство дискурса как источник суггестивных высказываний // Коммуникативные стратегии информационного общества: труды V Междунар. науч.-теор. конф. 14–16 ноября 2012 г., Санкт-Петербург. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского политех. ун-та, 2012. — С. 32–34.

28. Петряков Л. Д. Дискурсивная практика как когнитивная область // Актуальные проблемы современной когнитивной науки: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 18–20 октября 2012 г., Иваново. — Иваново: ОАО «Иваново», 2012. — С. 241–244.

29. Петряков Л. Д. Кризис плюрализма // Человек в пространстве культуры. «Русский мир» в контексте полилога культур: материалы V Междунар. науч. конф., 27–28 января 2012 г., Ярославль. — Ярославль: Яр. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2012. — С. 44–47.

30. Петряков Л. Д. Время и вечность в культуре и философии // Неизреченное слово: Мемор. сб., посв. проф. А. Н. Портнову. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. — С. 149–167.

31. Портнов А. Н., Петряков Л. Д. Философия и язык как универсальные «каталоги» // Неизреченное слово: Мемор. сб., посв. проф. А. Н. Портнову. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. — С. 18–36. (автора — 0,5 п.л.)

32. Петряков Л. Д. Образ, идея и понятие в когнитивной среде // Актуальные проблемы современной когнитивной науки: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 20–21 октября 2011 г., Иваново. — Иваново: ОАО «Иваново», 2011. — С. 285–288.

33. Петряков Л. Д. Кризис... метафизики // «Шестые Алмазовские чтения». Роль творческой личности в развитии культуры провинциального города: материалы Междунар. науч. конф. 14–15 апреля 2011 г., Ярославль. — Ярославль: Изд-во «Ремдер», 2011. — С. 154–157.

34. Петряков Л. Д. Понятие ничто и пустое понятие // Философия и/или новое интегративное знание – 2: сб. материалов Всерос. науч. конф. Май 2011 г., Ярославль. — Ярославль: Изд-во Яр. гос. пед. ун-та, 2011. — С. 155–164.

35. Петряков Л. Д. Национальное как кризис «вселенского» // Человек в пространстве культуры. «Русский мир» в контексте полилога культур: материалы IV Междунар. науч. конф. 27–28 января 2011 г., Ярославль. — Ярославль: Яр. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2011. — С. 174–178.

36. Петряков Л. Д. Понятие и концепт: причины многозначности // Актуальные проблемы современной когнитивной науки: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 21–22 октября 2010 г., Иваново. — Иваново: ОАО «Иваново», 2011. — С. 252–255.

37. Петряков Л. Д. Общечеловеческое в национальной культуре и языке // Человек в пространстве культуры. Межкультурные отношения и динамика национального развития: материалы III Междунар. науч. конф. 28–29 января 2010 г.– Ярославль: Яр. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2010. — С. 214–220.

38. Петряков Л. Д. Онтологизм и формирование философских понятий в курсе философии // Материалы межвуз. науч.-практ. конф. 14–15 мая 2009 г., Ярославль. — Ярославль: Изд-во Яр. гос. пед. ун-та, 2009. — С. 86–89.

39. Петряков Л. Д. Нравственные ценности семьи и государства // О влиянии государства на развитие демографических процессов: сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф., 19 февраля 2009 г. Ярославль. — Ярославль: Яр. филиал Акад. труда и соц. отношений, 2009. — С. 96–99.

40. Петряков Л. Д. Коллективизм против капитализма? // Человек в пространстве культуры: материалы II Всерос. науч. конф. 27–28 января

2009 г., Ярославль. — Ярославль: Яр. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2009. — С. 161–164.

41. Петряков Л. Д. Предметность мышления и современный мир // Пятые Алмазовские чтения. Роль творческой личности в развитии культуры провинциального города: материалы Междунар. науч. конф. 14–15 ноября 2008 г., Ярославль. — Ярославль: Изд-во «Ремдер», 2009. — С. 120–124.

42. Петряков Л. Д. Человек без государства, время без истории // Российская государственность и право: современное состояние и перспективы развития: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Февраль–март 2009 г., Москва. — М.: МЭСИ, 2009. — С. 134–138.

43. Петряков Л. Д. «Быть рыбой» // Философия или новое интегративное знание: сб. материалов Всерос. науч. конф. Май 2009 г., Ярославль. — Ярославль: Изд-во Яр. гос. пед. ун-та, 2009. — С. 284–292.

44. Петряков Л. Д. Сетевое общество как альтернатива империи и войны // Формирование профессиональной культуры специалистов XXI века в техническом университете: тр. VIII Междунар. науч.-практ. конф., 21–23 октября 2008 г., Санкт-Петербург. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского политех. ун-та, 2008. — Книга 1. — Ч. 3. — С. 97–98.

45. Петряков Л. Д. Локализм и проблема понимания // Материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. «Российская государственность и право: современное состояние и перспективы развития. 23 мая 2008 г., Москва. — М.: МЭСИ. — С. 82–88.

46. Петряков Л. Д. Проблемный принцип в преподавании философии // Формирование профессиональной культуры специалистов XXI века в техническом университете: тр. VIII Междунар. науч.-практ. конф., 17–19 июня 2008 г., Санкт-Петербург. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского Политех. ун-та, 2008. — Книга 1. — Ч. 2. — С. 56–58.

47. Петряков Л. Д. Перспектива гуманитарных наук в условиях реформы высшего образования // Экономические и социальные проблемы российского общества: сб. науч. работ преподавателей вузов по материалам науч.-практ. конф., посвященной 50-летию Ярославского филиала ВЗФЭИ. — Ярославль: Изд-во Яр. филиала Всерос. заочного финансово-экономического ин-та, 2008. — Вып. 10. — С. 318–322.

48. Петряков Л. Д. Этика средств // Человек в контексте эпохи. Личность. Культура. Образование: материалы Всерос. науч. конф. 28–29 января 2008 г., Ярославль. — Ярославль: Яр. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2008. — С. 109–113.

49. Петряков Л. Д. Аргументация и обоснование в споре // Социальные и гносеологические проблемы общества: сб. науч. тр. —

Ярославль: Изд. отдел «Ещё не поздно!»: ООО НТЦ «Рубеж», 2008. — Вып. 3. — С. 159–166.

50. Петряков Л. Д. Семантика личностных качеств героя литературного произведения // Алмазовские чтения. Роль творческой личности в развитии культуры провинциального города: материалы IV Междунар. науч. конф., 10–11 ноября 2006 г., Ярославль. — Ярославль: «Ремдер», 2006. — С. 46–53.

51. Петряков Л. Д. Философия и госконтроль // Философия в техническом вузе: тр. Междунар. науч.-практ. конф. 10–12 апреля 2007 г., Санкт-Петербург. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского политех. ун-та, 2007. — С. 6–8.

52. Петряков Л. Д., Федотов Л. Н. Платон в учебниках философии РФ и США // Проблемы методики вузовского образования: материалы межвуз. науч.-практ. конф., 18 апреля 2006 г., Ярославль. — Ярославль: Изд-во Яр. филиала Всерос. заочного финансово-экономического ин-та, 2006 — С. 79–86. (автора — 0,3 п.л.)

53. Петряков Л. Д. Перестановки как способ выражения маргинальных смыслов // Человек в информационном пространстве: межвуз. сб. науч. тр. — Ярославль: «Истоки», 2006. — Вып. 5. — С. 122–126.

54. Петряков Л. Д., Вавилова Е. Ю. О проблемах познания для студентов технических специальностей // Социальное партнерство в образовательной сфере (опыт, проблемы и перспективы развития): сб. ст. участников II Междунар. науч.-практ. конф., 22 апреля 2005 г., Ярославль. — Ярославль: Яр. филиал Акад. труда и соц. отношений, 2005. — С. 325–328. (автора — 0,2 п.л.)

55. Петряков Л. Д., Вавилова Е. Ю. О проблемах гносеологии для студентов технических вузов // Методология и методика вузовского образования (проблемы и поиски решений): сб. науч. ст. — Ярославль: Яр. филиал Акад. труда и соц. отношений, 2004. — Вып. 2. — С. 286–289. (автора — 0,2 п.л.)

56. Петряков Л. Д. Процессуальность определений интенциональных понятий // Человек в информационном пространстве: межвуз. сб. науч. тр. — Ярославль: Изд-во «Истоки», 2004. — Вып. 4. — С. 138–139.

57. Петряков Л. Д. Все ли критяне лжецы? // Конфликты и компромиссы в мировой истории: материалы Всерос. науч. конф., 3–4 июня 2004 г., Ярославль. — Ярославль: Яр. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2004. — С. 96–98.

58. Петряков Л. Д. «Волны» гасят «ветер» // Вестник Ярославского гос. тех. ун-та: сб. науч. тр. — Ярославль: Изд-во Яр. гос. тех. ун-та, 2004. — Вып. 4. — С. 221–223.

59. Петряков Л. Д. Проверка наличия личностных качеств студентов логическими методами // Проблемы формирования и развития образовательной среды в учебно-воспитательной работе вуза: Материалы докл. XXII межрегион. науч.-метод. конф., ноябрь, 2004 г., Ярославль. — Ярославль: Изд-во Яр. гос. тех. ун-та, 2004. — С. 14–15.

60. Петряков Л. Д. Философская интерпретация топологических фигур (по книге Рене Тома) // Человек в информационном пространстве: Межвуз. сб. науч. тр. — Ярославль: Изд-во «Истоки», 2004. — С. 85–89.

61. Петряков Л. Д. О возможности построения непротиворечивого языка // Социальные и гносеологические проблемы общества: сб. науч. тр. — Ярославль: Изд-во «Ещё не поздно», 2004. — С. 135–147.

62. Петряков Л. Д. Логика смысла и истинность высказываний // Культурологический анализ социальных и гносеологических проблем современной науки: сб. науч. тр. — Ярославль: Изд-во Яр. гос. тех. ун-та, 2001. — Вып. 2. — С. 36–49.

63. Петряков Л. Д. Опыт разделения разума и смысла // Культурологический анализ социальных и гносеологических проблем современной науки: Сб. науч. тр. — Ярославль: Изд-во Яр. гос. тех. ун-та, 1999. — С. 130–143.

Учебно-методические издания

64. Петряков Л. Д., Вавилова Е. Ю., Скородумов С. В. Введение в историю философии: Учебное пособие для студентов негуманитарных специальностей. — Ярославль: Изд-во Яр. гос. тех. ун-та, 2014. — 80 с. (автора — 1,5 п.л.).

65. Петряков Л. Д., Вавилова Е. Ю. Научная рациональность в современном мире: Учебное пос. для студ. негум. спец. — Ярославль: Изд-во Яр. гос. тех. ун-та, 2011. — 80 с. (автора — 2,3 п.л.).

66. Петряков Л. Д. Основные проблемы классической философии: Метод. указания. — Ярославль: Изд-во Яр. гос. тех. ун-та, 2008. — 52 с.

67. Петряков Л. Д. Контрольные вопросы и задания по философии: Метод. указания по основному курсу «Философия». — Ярославль: Изд-во Яр. гос. тех. ун-та, 2006. — 75 с.

68. Петряков Л. Д., Вавилова Е. Ю. Путь познания: от знания к рефлексии: Метод. пособие по курсу «Логика научно-технического мышления». — Ярославль: Изд-во Яр. гос. тех. ун-та, 2004. — 76 с. (автора — 2 п.л.).